

Григорий Веков

**Философия расовой
катастрофы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Г83

Григорий Веков
Г83 **Философия расовой катастрофы / Григорий Веков** – М.: Lennex Corp, —
Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2013. – 192 с.

ISBN 978-5-458-57619-2

Эта книга исследует феномен тотального исчезновения активности разумного человека в современных процессах массовой цивилизации во всем многообразии: в политике, в науке и искусстве, который мы определяем как процесс расовой катастрофы. Понятно, что если бы сущность исторического разума была однозначно определена в истории метафизической мысли на уровне схематизма рассудка, то тогда бы исторического мирового процесса не существовало. Но разум – это не рассудок, и уж, тем более не чувство, с точки зрения иерархии познавательных способностей человека. Мы полагаем, что биологическая теория происхождения расы *homo sapiens* от примата поспешила в своих выводах о понимании происхождения человека разумного. Разум – это то, что на метафизическом уровне, а не на биологическом, отличает человека от животного ровно в той мере, в которой в нем этот разум определяет границу с конечными рассудочными представлениями. Таким образом, содержанием этой книги являются рассуждения за пределами, как мифологии современной биологической науки, так и за пределами интереса к многообразию иррациональных социальных процессов массовой цивилизации.

ISBN 978-5-458-57619-2

© Lennex Corp, 2013
© Григорий Веков, 2013

Оглавление

Школа рациональной мысли	5
Гносеология	5
Глава 1	7
Разум как расовая память	7
Глава 2	71
Метафизика разумного начала жизни	71
Глава 3	149
Лигаризм, или логика действия расовой памяти ...	149

Автор приносит извинения
за отсутствие корректуры текста

Школа рациональной мысли

Гносеология

Гносеология ставит себе задачу анализа познавательных способностей человека с точки зрения иерархии возможностей этих способностей по отношению к разуму. Принципиально, что непосредственное чувственное восприятие и познавательные возможности разума проистекают из кардинально различных подсознательных движений человеческой психики: низшей и высшей. Знания, получаемые в результате непосредственного чувственного опыта, отличаются от знаний, получаемых в результате активности высшей психики, тем, что содержанием разума является процесс воспоминания расовой памяти субъекта, которая разворачивает мир в онтологическом потоке исторического времени. Знания, существующие в низших познавательных возможностях непосредственного чувственного восприятия и конечных представлений рассудка, никогда не выходят за пределы настоящего момента времени, то есть не обладают исторической памятью, и, как следствие, взаимосвязью с высшими ценностями мировой истории.

В результате, мир человеческих влечений и мир волевого начала человеческой жизни, в котором всегда присутствует метафизический момент разумного начала бытия, существуют параллельно, как существуют параллельно: мир идей Платона и мир «теней», отбрасываемых этими идеями в область неразумного мира. Высшая психика человека определяется подсознательной активностью инстинкта смерти, низшая психика – животным вождением души, которое дифференцируется социальной реальностью на составляющие и сублимируется в активность поверхностного рассудка, но эти два мира существуют по разным законам. В активности первого мира всегда последнее слово за разумом, в представлениях второго мира – за сознанием непосредственной чувственной реальности.

Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Ими одними заложено основание расы. Столетия за столетием они творили идеи и чувства и, следовательно, все побудительные причины нашего поведения.

«Психология народов и масс» Г. Лебон

Глава 1

Разум как расовая память

Мы не случайно выбрали эпитафией этой работы определение существа расы, которое наиболее близко нашему пониманию. С точки зрения объективного содержания разума, мы полагаем, что дух возникает как продукт расового бессознательного человека, то есть как процесс постоянного воздействия на сознание воспоминаний, концентрирующихся в потенциале высшей психической активности души. Если этот потенциал активен, то непосредственный образ человека выражает определенный национальный характер, если нет, то способен отображать только инфантильные воспоминания жизни, где доминирует авторитет коллективного опыта знания, реализующий массовые ценности технократической цивилизации. Таким образом, граница между национальным самосознанием и потоком обыден-

ных представлений об исторической реальности, существующих под воздействием массовой культуры, отображается в действии расового бессознательного человека.

Особенность действия расовой памяти человека мы относим к мере присутствия в высшей психике человека активности взаимосвязи с единым расовым потенциалом расы *homo sapiens*, откуда и происходит название нашего философского учения «лигаризм». С другой стороны, чем является раса *homo sapiens* не в современных мифологических представлениях биологической науки, а с точки зрения объективного исторического разума, нам и предстоит понять. При этом мы не стремимся подвергать сомнению наивность «ветхого завета» о происхождении сущности разума, который имеет место в эмпирическом мышлении и которым живет современный человек в технократической цивилизации на уровне инфантильного сознания. Однако мы твердо убеждены, что природа исторического разума кардинально иная, если исследовать не архаичные представления о сущности разума, а его современную историческую природу.

В понимании происхождения исторического разума наш рассудок постоянно ускользает в тот онтологический феномен времени, который отображает максимальную энергическую основу импульса воли. При этом принципиальным является тот момент, что исторический разум необходимо существует в эпицентре наивысшего напряжения воли, которое формируется потоком расового бессознательного.

В отличие от массового бессознательного, протекающего в поле животных влечений человека, расовое бессознательное является исключительно той или иной мерой активности воли. Это кардинальное различие состоит в психофизиологической функциональности влечений, с одной стороны, и метафизике импульсов воли – с другой. Таким образом, с точки зрения строения психики человека, в ней существуют импульсы, которые человек контролирует рассудком, и импульсы, которые он контролирует не полностью, являясь их соучастником, поскольку невозможно в принципе контролировать метафизическое существо бытия. Следовательно, кардинальное отличие импульса воли от импульса влечения выражается в том, что первое определяется сферой «недочеловеческого» или «свехчеловеческого», а второе – исключительно «человеческим». Это понимание строения психики, в которой перемешаны психические импульсы психосоматической и метафизической природы, всегда было основой понимания человеческой жизни, когда субъект мыслился как синтез с объективностью неуничтожимого начала бытия в преодолении конечных целей рассудка.

Возвращаясь к классическому философскому вопросу о дифференцировании познавательных способностей человека: чувства, рассудка и разума, мы должны, в первую очередь, заметить, что это дифференцирование возможно только при наличии предмета метафизического знания. В противном случае, то есть в случае отсутствия содержания метафизической предметности, сознание необходимо

возвращается исключительно к сфере человеческого рассудка, который исключает иерархию познания по существу. Ведь иерархия строения бытия – это предмет размышлений классической философии, поскольку наука и, в частности, физика не нуждаются в иерархическом понимании. Наоборот, научное знание способно обладать максимальной строгостью только при условии полного нивелирования различного знания, сводя его к логическим операциям над различной информацией. Однако сама строгость научного знания сохраняется только до того момента, пока существует хотя бы минимальный метафизический момент мысли. В этом смысле, таким последним опытом метафизического знания о процессах мировой истории для нас, безусловно, является наследие содержания философии Ницше и попытки Шпенглера сконструировать события мировой истории в соответствии с историей высших ценностей.

Если оценить исторические процессы и события, происходившие после Второй Мировой Войны, то следы классической философии, то есть разумного понимания явлений с точки зрения исторического разума, практически исчезают в европейской школе мысли (понятно, что в российской школе их не было никогда). Разного рода позитивистские и логические исследования, пытавшиеся опираться исключительно на научное основание знания или на какую-то систему логических операций рассудка, не могли быть классической философией по существу, поскольку классическая философия существует в системе иерархии познаватель-

ных способностей мышления. В противном случае, то есть в случае отсутствия иерархического основания философского знания, предмет философии исчезает в том, с чем он неизбежно соприкасается: в науке, в религии, в искусстве или в политике.

То, безусловно, очевидное, с чего мы начинаем наше исследование феномена расовой катастрофы, – это практически полное исчезновение активности разумного человека в современной массовой цивилизации. Вообще, создается ощущение, что разумного человека просто не существует, хотя примитивная мифология современной биологической науки пытается внушить массовому сознанию, что *homo sapiens* есть существо, которое появилось в мире несколько десятков тысяч лет назад, а потому не стоит беспокоиться по поводу существования разума у человека. Таким образом, это практически тотальное отсутствие активности воли разумного человека в массовой цивилизации мы и полагаем феноменом расовой катастрофы. Ведь воля в мировой истории – это определенная система рациональных коммуникаций, отображающих стратегическое развитие мировой цивилизации. Именно каких-то элементарных рациональных коммуникаций мы и не находим в современной массовой цивилизации.

В нашем понимании, разум есть свойство существования метафизики воли, которая выражает действие разумного

духа мировой истории. Здесь, в первую очередь, необходимо различать источник импульсов влечения и источник импульсов воли как следствие различного рода структур операций мышления. Ведь структура процесса мышления характеризует оперативную систему действия определенной топологии субъект-объектной связи, которая моделирует архитектуру бытия в качестве многообразия фракталов эстетических феноменов сознания. Эти феномены выявляются в процессе топологического роста импульса воли до объективности существования рациональной коммуникации в процессе развития мировой цивилизации. Но этот рост требует отчетливой конструктивной основы субъективности, то есть понимания бытия в содержании метафизики производящего начала. Другими словами, субъективность – это всегда определенная позиция мыслящего разума в качестве границы: «обрыва» непосредственных ощущений и одновременного начала топологического роста импульса воли. Значит, воля – это всегда разрыв с потоком непосредственных чувственных ассоциаций, которые характеризуют течение влечений. Рассматривая основной критерий различия между влечением и волей, мы понимаем его как два кардинально различных восприятия. Первое, выражает непосредственно животную природу человека, ограниченную социальной активностью, а второе, как сосредоточенное и максимально структурированное онтологическое движение мысли. Последнее, отображает высшие слои психического строения духовной организации человека, реализуемые в импульсах воли.

Когда эпоха Просвещения стала культивировать ценности «свободы», то она начала постепенно удаляться от системы высших ценностей Возрождения, в которых примат воли над влечениями был равносителен доминированию онтологического потока времени над временем непосредственного восприятия чувственных ассоциаций. Здесь стоит заметить, что на уровне подсознания этот процесс характеризовался смещением патриархальной нормы жизни, которую поддерживала моральная традиция христианской религии, в сторону активизации матриархальных инстинктов. Так, матриархальные подсознательные инстинкты человека всегда выражают его потребность возвращения к животному существу, которое не выносит каких-то моральных ограничений, поскольку мораль – в контексте развития мирового исторического разума, – это всегда насилие над животным существом человека. Однако не следует полагать, что насилие рациональной морали над животным существом человека является только исключительно «человеческим». «Человеческое» существо морали, которое Ницше вполне справедливо определял как «мораль рабов», является следствием разрушения архаичных рациональных коммуникаций, а потому характеризуется полным и, можно сказать, тотальным слабоумием по отношению к разумной морали. Это слабоумие мы наблюдаем в современной системе либеральных ценностей социального сознания. Здесь инфантилизм рассуждений о том, что такое «хорошо» и что такое «плохо» в поведении человека в полной мере определяет

архаику матриархального общества, которое известные идеологи его ценностей определяют как «открытое». В действительности же, «открытость» матриархального общества является ничем иным, как полным исчерпанием того исторического проекта развития разума, который в прошлом характеризовал его авангардные позиции топологической модели.

Когда мы рассуждаем о сущности исторического разума, то, в первую очередь, указываем на расовое бессознательное, которое кардинально отличается от массового бессознательного происхождением из высших психических импульсов души. Мы определяем это деление психических импульсов на высшие и низшие как онтологическую симметрию бытия, в которой отображение метафизических фракталов реальности конструирует систему движения духа времени в потоке событий мировой истории. Высшие психические импульсы мы полагаем сферой патриархальной психологии человека, низшие – сферой матриархальной психологии. Иерархическое основание бытия отображается в онтологическом потоке времени, который существует или не существует в метафизическом импульсе воли.

Наивно полагать, что разумное насилие над животным существом в глубинах психики человек производит по собственной воле. Как раз наоборот, если проанализировать состояние безволия современной психологии человека, можно заметить, что человеческая самость в энергии массового бессознательного стремится избавиться от волевого начала души, поскольку это начало всегда топологически

«замечает» конечные представления чувственных ассоциаций и, построенных на их основании, суждений поверхностного рассудка. Таким образом, движение субъективной разумной мысли из топологического роста импульса воли необходимо разрушает систему ограниченных представлений, а фактически, различные социальные модели существования цивилизации. Поэтому на все виды волевой активности субъекта различные социальные модели всегда накладывали табу, осуждая их как «агрессивные», как «нецивилизованные», как «иррациональные» и тому подобное. Ведь социум – это матриархальный, а не патриархальный, институт образа жизни человека, в котором нивелирование всех видов ценностей до низших обусловлено противостоянием поверхностного рассудка – разумному пониманию мира.

Реконструкция классического деления познавательных способностей познания человека на чувство, рассудок и разум показывает, что высшая познавательная способность, разум, является продуктом системы тензоров сознания онтологии времени, которые отображают метафизические импульсы воли в событиях мировой истории. Поэтому когда мы моделируем объективность разумной исторической действительности нашего времени, то возвращаемся в первую половину 20 века в Германию, где была предпринята последняя попытка разумной субъективности моделировать объективные позиции духа в философском наследии Ницше. Собственно, вся метафизика Ницше – это отображение процесса топологического заметания субъективным разу-

мом архаики метафизической рациональной мысли, в которой историческая панорама событий мыслилась линейной.

В понимании особенности строения высшей психики человека мы должны сказать о нескольких фундаментальных моментах существования объективного исторического разума. Первый момент состоит в том, что феномен существования расы *homo sapiens* является процессом периодической активности и периодического ослабления позиций разума в процессах мировой истории. Второй момент состоит в том, что позиции разума в событиях мировой истории являются именно расовым феноменом культуры, а не системой абстрактных категорий или научных понятий, которые стремятся дистанцироваться от разрушительных процессов психики. Эти попытки классической западноевропейской метафизики: создать научную систему знания, которая была бы равносильна знанию о бытии в качестве логической системы понятий, безусловно, остались в прошлом истории метафизики, выражая ее архаичное, «ветхое», содержание. Так, первое, что обнаруживает современный исторический разум в объективности существования массовой цивилизации, – полный коллапс каких либо рациональных коммуникаций. Другими словами, современная массовая цивилизация не предполагает существование в своих структурах разумного человека.

Историческая ситуация развертывающихся мировых событий расовой катастрофы не нова, когда нравственные

ресурсы доминирующих народов исчерпываются, поскольку исчерпывается их высший потенциал психики, обусловленный постоянным перенапряжением нравственных сил в реализации воли к власти определенных рациональных моделей развития. Так исчезало доминирующее положение рациональной модели развития мировой цивилизации у др. греков и др. римлян, и также исчезает оно у современных западных европейцев. При этом однозначно выявить какие-то конечные причины в глобальной смене различных моделей мировых цивилизаций нельзя, поскольку эти конечные причины ограничены низшими познавательными способностями человека: его непосредственным чувством и абстрактным рассудком. С позиции развития объективного исторического разума можно определить этот процесс коллапса рациональных коммуникаций как топологическое «сжатие» активности высшей психической энергии человечества до нуля, которое в мировой истории совпадает с очередной эпохой Темных Веков. Этот низший потенциал высшей психической энергии выражается в неизбежном возврате к матриархальному доминированию влечений, то есть к отрицанию разума, который Ницше определял как историческую позицию его отсутствия в метафизическом импульсе воли, или как нигилизм. Если оценить с точки зрения объективного исторического разума все события мировой истории, которые происходили после Второй Мировой Войны, то они и протекали в поле существования этого самоотжественного «нуля» объективного разума. Другими

словами, «нулевая» объективность разумного существования человека в массовом обществе привела к полному сворачиванию разумного начала человеческой души.

Поскольку мы начинаем с этой «нулевой» объективности существования разума в современной массовой цивилизации, то есть отсутствия в ней каких либо элементарных рациональных коммуникаций, то определяем современное историческое время как Темные Века. В противном случае, мы должны были отказаться от разума, то есть от самих себя, что не может сделать мыслящий человек. Понятно, что периодичность появления и преодоления Темных Веков мировой истории предполагает совершенно разную особенность их рациональных «конфигураций», когда попытка свести их оценку к какой-то научной «схеме» понимания влечет за собой только одно – возврат к низшим познавательным способностям поверхностного рассудка.

В понимании подлинного существа расы *homo sapiens* мы полагаем, что она действительно является высшей расой, то есть выражаем потока мировых событий как соприкосновения глубин человеческой психики с метафизической природой времени. Однако метафизическая природа времени не является линейной системой, в которой может действовать абстрактный научный рассудок. И уж тем более она не является какой-то человеческой историей в контексте библейской мифологии представлений о едином боге. В понимании начала бытия, как времени, мы обращаемся к образу самоорганизующегося хаоса многообразия мета-

физических фракталов бытия, где структурные элементы этой организации есть субъект-объектные связи бесконечного многообразия симметрично подобных элементов материи, в которых исторический дух «просвечивается» как максимальная целостность рациональных граней бытия постигнутых высших ценностей.

Рациональная грань бытия – это группа тензоров, взаимосвязывающих расовое бессознательное *homo sapiens* и человеческое сознание в момент метафизического напряжения воли, которое собирает, «фокусирует», фрагмент онтологии времени в себя. Это фокусирование, это топологическое «стягивание» онтологической глубины времени в определенную локальную точку действия исторического события и определяет поток действия, с одной стороны, расового бессознательного *homo sapiens*, а с другой, утверждение в непосредственной жизни человека определенной системы высших ценностей. Понятно, что в понимании существа расы *homo sapiens* мы должны игнорировать современные представления биологической науки, в которой *homo sapiens* произошел от обезьяны. Эти предрассудки архаичного понимания разума, конечно, должны учитываться в исследовании происхождения разума, но только в качестве мифологии начального представления о его сущности, которое не имеет в наше историческое время критического содержания. «Ветхий завет» о существе происхождения разума опирается на представление о божественном начале мира в западноевропейской метафизической школе

мысли, тогда как «новый» завет о сущности исторического разума начинается с метафизической формулы о «смерти бога». Впрочем, понятно, что эта аналогия с библейской традицией нового и ветхого завета очень условна, и предназначена только для того, чтобы дать возможность осознать фрактально-подобный принцип развития мировой истории, чьи наивно-примитивные контуры мы находим в исторической концепции Шпенглера.

В нашем понимании, различие действия человеческих влечений и метафизики импульса воли сосредотачивается, в первую очередь, в процессах течения человеческой памяти. Так, если конечные представления низших познавательных способностей: чувства и рассудка концентрируются в воспоминаниях, которые выражает коллективно-социальное существо человека, то метафизика воли является топологическим пространством онтологического потока времени, в котором субъект осознает себя как индивидуально-расовое существо. Другими словами, свойства расовой памяти человека возникают и аккумулируются воспоминаниями, которые он не мог получить при жизни, а получил из системы, которая существовала до начала его жизни. Здесь рассуждения о генетической памяти не могут удовлетворить понимание существа объективного исторического разума, поскольку в генетической памяти заложены механизмы, направленные на биологическое выживание человека и,

следовательно, не относящиеся к свободному выбору индивидуальной воли в метафизическом пространстве высших ценностей. Речь идет именно о расовой памяти человека, причем его памяти как существа *homo sapiens*.

Когда мы рассуждаем о реальности существования расы *homo sapiens* как о некой высшей расовой организации человека, то менее всего имеем ввиду арийскую теорию о превосходстве белой расы над другими расами. И дело здесь не в нашей «толерантности», которая сводится к тому, чтобы не проявлять своих принципов, а в том, что арийская теория лишена разумного понимания процессов мировой истории. Эта мифологическая теория так и осталась мифологией в силу отсутствия в своем основании разума, за исключением примитивной базы английского эмпиризма в понимании расовой сущности человека. Проблема понимания высшей организации расы *homo sapiens* лежит значительно глубже. Первое, что требует признать мифологической, а не разумной, арийскую расовую теорию, характеризуется отсутствием какой-то отчетливой исторической последовательности развития высших ценностей от восточных цивилизаций – до современной западноевропейской в арийской теории. Так, индийская история существует в стороне от эпицентра мировых исторических событий, поэтому пытаться насильно внедрить ее в начало истории мировой цивилизации демонстрирует только одно – отсутствие критически разумной мысли в понимании исторических процессов. Мы же исходим из концептуальной основы, из которой развился

аристократизм высших ценностей европейского Возрождения: из анализа происхождения библейской и античной мифологии мировой истории. Двигаясь по этим граням объективного исторического разума как процесса разворачивания высших ценностей мировой цивилизации, мы приходим к подлинному эпицентру начала мировой истории, к Древнему Египту. Но важнейший принцип, в силу которого следует признать неразумной арийскую расовую теорию, состоит в абсурдности этой позиции в контексте развития процессов мировой цивилизации в последние века, которые проистекали из веры в разум. Ведь это только матриархальное сознание способно оперировать абсурдной мыслью, находя в ней какие то сомнительные основания для своего существования. Патриархальная же мысль, опираясь на противоречивость мышления, стремится снять его в качестве разрешения этого противоречия как самой истины духа времени. Таким образом, основной вывод, который проистекает из событий мировой истории XX века состоит в том, что понимание разума требует глобальной исторической переоценки.

Повторим, что наше понимание расы *homo sapiens* наиболее близко формуле, данной Лебоном, которое стало эпиграфом этой книги. Главный рациональный момент, который отображает формула великого французского мыслителя, – это существование особого пространства времени, в котором присутствует расовое сознание человека как непрерывный процесс возвращения к памяти духа пред-

ков. Заметим, что развертывание этой глубокой мысли до масштабов процессов мировой истории осуществил Ницше в своей известной идее «вечного возвращения», когда утверждал, что воля к власти является основой высших нравственных ресурсов авангардных позиций процессов мировой истории. В нашей концепции существования расового сознания *homo sapiens* мы полностью возвращаемся к классическому пониманию основания философского знания, где иерархия развертывания познавательных способностей человека: от чувства – к разуму является его гносеологическим обоснованием. Понятно, что сложность этого возврата из «нулевой» позиции субъективного нигилизма разума современного интеллектуального знания не может быть простой. Ведь этот возврат происходит на фоне зловещей реальности Темных Веков, в которых массовая система мировой цивилизации везде демонстрирует иррациональные связи массовых инстинктов человека, исключающих присутствие в себе разума. Однако процесс возврата политических институтов мировой цивилизации к состоянию охлократических принципов существования государственности происходил всегда в процессе расовой катастрофы, то есть в момент исчерпания высших психических ресурсов человека, – и одновременного формирования кардинально новых мировых политических механизмов власти.

Возврат последнего проблеска субъективной рациональной исторической мысли у Ницше к др. аттической траге-

дии не может быть случайным с точки зрения развития процессов мировой истории. Расовая катастрофа, то есть утрата объективного обоснования разумом человеческой жизни, всегда приводит к возврату к нравственному опыту предшествующих поколений, который временно «заметается» топологией исторического разума для реализации новых высших психических ресурсов. Фрактальным подобием этого процесса на заре становления христианской цивилизации следует видеть возникновение первых христианских сект, которые формировались по принципу структуры египетского жречества, – этот момент вполне справедливо отмечает Ницше. Аналогичным образом, и формирование немецких фашистских орденов, и политическая структура большевистской орды во времена сталинского режима также подражали военно-патриотической системе др. греческих дорийских союзов. Другое дело, что и немецкие фашистские ордена, и некое подобие зачаточной иерархии большевистской орды при сталинском режиме характеризуется еще полным и, можно сказать, сакральным влиянием архаичной природы представлений о сущности разума, если проанализировать арийскую расовую теорию и марксистские представления о мировой истории. Эта архаичная природа разума характеризуется биологизмом в понимании существа человека, что в принципе противостоит самой идеей существования разума как кардинального различия между человеком и животным.

Размышляя о политических институтах в Темные Века мировой цивилизации, мы исходим из того, что новая топологическая модель ее политических структур всегда начинается с новой исторической динамики метафизики воли. Объяснение этого процесса следует искать в возврате глубинно бессознательных процессов психики к их исходной производной – к бессознательному инстинкту смерти человека, который стремится освободить его разум от животной непосредственности в качестве метафизики активизации воли. Ведь это только бессознательное влечение присутствует в ассоциативном восприятии мира при любом психическом состоянии человека в его естественном восприятии, тогда как для действия воли необходимо соприкосновение с авангардными гранями исторического разума. На непосредственном чувстве и абстрактном рассудке строилась философия английского эмпиризма, в котором «разумное» состояло только в открытии новой физической картины мира при условии полного сохранения морально-этического обоснования человеческого существа с точки зрения божественного откровения. Поэтому когда метафизическое обоснование науки исчезло, то есть в полной мере подтвердилась метафизическая формула Ницше о «смерти бога», то осталась лишь физическая картина реальности английского эмпиризма, которая строится в массовом сознании на известной логике мифологии мышления: «ученые доказали», «ученые опровергли» и тому подобных доводов поверхностного рассудка. А вместе с исчезновением метафизики науки во второй половине XX века стали исчезать

и разумные люди в самой науке, когда в наше время их наличие в ней стало стремиться практически к нулю.

Анализируя период советской власти в российской истории, не трудно понять, что мировая секта коммунизма смогла доминировать здесь почти столетие по двум причинам. Первая заключается в том, что русская интеллигенция до 17-го года так и не сформировалась как среда людей, в которой существуют какие-то рациональные коммуникации. Вторая, проистекающая из первой, состоит в невозможности интеллектуальной культуры, в которой отсутствуют какие-то основания разума, разобраться с исторической ситуацией, в которой оказалась Россия после 17-го года. Но поскольку мы как раз разрабатываем рациональную школу российской мысли, то наш нравственный долг состоит в том, чтобы ликвидировать этот пробел, а именно отсутствие какого-то критического рационального отношения к событиям российской истории. Ведь особенность любой национальной мысли и состоит в том, чтобы указать на предназначение нации в мировой истории, тем самым объективно доказав ее существование.

Когда мы начинаем размышлять над судьбой русской нации в мировой истории, то неопределенность и расплывчатость ее присутствия в настоящее время оказывается на первом месте, поскольку мы не находим ни одной национальной личности, которая отчетливо и ясно заявляла

о своих разумных позициях с точки зрения высших ценностей. Да, героев и выдающихся ученых в русской истории было не мало, однако основа любой политической системы, любой основы государственности – это позиции разума, то есть признаки, по которым человек отличается от животного не в мифологии наивной веры, а с точки зрения разумного начала бытия. В противном случае, то есть в случае отсутствия разумных оснований существования в мировой истории, нация не является реальной политической силой, имеющей определенное содержание в мировой истории. Если нет отчетливо разумного основания разума, то любая историческая фантазия, проистекающая из авторитета науки, может служить поводом для бессмысленного жонглирования историческими фактами, будь то марксистская теория или теория пассионарности.

Поскольку любая национальная мысль привносит нечто принципиально новое в историческое понимание разума, то мы начинаем наше исследование исторической судьбы русской нации с феномена расовой катастрофы. Понятно, что наше отношение к расе не связано с эволюционной теорией происхождения видов, поскольку архаика поверхностного биологического научного рассудка не включает в себя факт существования высшей психики человека, а потому является в наше время тем предрассудком, который может объяснить происхождение массового человека, или *quasi homo*, но не *homo sapiens*. Мы, собственно, потому и вводим аналогию отличия подлинного существа разума от

его архаичной основы в качестве различий, существующих между Ветхим и Новым библейским заветом. Так, хотя и в Ветхом и в Новом библейском завете предпосылки одинаковые: вера в единого бога, но моральные позиции глубоко антагонистичны. Аналогичным образом, и мы и верим в разум, но полагаем, что он не является только «человеческой» сущностью, а также взаимосвязью сознания с чем-то «божественным», а предполагает взаимодействие сознания через высшие ресурсы психики с онтологическим потоком времени. В этом мы опираемся на философское наследие Ницше, которое является поворотным пунктом развития рациональной морали, где до моральных идей Ницше всегда исторически прослеживалась моральная основа мысли, ведущая свое происхождение от Сократа.

Почему Ницше был определен в современной псевдофилософской традиции мысли как «иррационалист», вполне понятно. Традиция – это то, что рано или поздно обрушивается в себе все позиции разумного основания мышления, какой бы исторический период мировой истории мы не рассматривали. Это обрушение, которое влечет за собой расовую катастрофу, связано с исчезновением патриархального духа традиции, когда вместо суровой непреклонности воли она начинает погружаться в раздробленные влечения, погребая за собой все виды рациональных коммуникаций, а значит, и государственные и политические модели, которые поддерживались волей к власти разумного существования человека. А поскольку западноевропейская

школа рациональной мысли за несколько веков своего существования создала уже определенную традицию своих предпосылок, то эта традиция стала тем «грузом» ее инерционного сопротивления кардинальному переосмыслению сущности исторического разума, который произошел в XX веке. С другой стороны, необходимо понимать, почему именно мысль Ницше стала для нас точкой отсчета нашего рационального знания. Важно сознавать, как и при каких обстоятельствах появляется то, что, на первый взгляд, кажется «иррациональным» в старой системе рационального мира, хотя в действительности является новейшей сущностью разума. Ведь именно несоизмеримое, что существует в основе рационального мышления, и есть его метафизическое обоснование, в отличие от человеческого рассудка. Это несоизмеримое на онтологическом уровне указывает на некую метафизическую взаимосвязь человека в основах его высшей психики с побудительным мотивом разумной воли. Именно онтологический поток времени выражает объективность исторического разума, который пресекает субъективный нигилизм мысли, этого последнего рубежа исторического разума. Впрочем, понятно, что время – это нечто несоизмеримое не потому что отсутствуют какие-то логические методы его исследования, а потому что человеческий рассудок по сути своего строения не способен понять то, что выходит за пределы его возможностей в момент откровения чистого начала бытия.

Возвращаясь к оценке исторических событий, которые произошли в России после 17-го года, первое, что мы обнаруживаем – это полное отсутствие какой-то группы людей, какой-то системы коммуникаций, в которой существует разум. Понятно, что ее не существовало и до 17-го года, однако в России до нашествия большевистской орды присутствовала отчетливая патриархальная норма психики, поддерживавшая дух традиционного уклада российской жизни. Таким образом, принципиальным различием между психологией человека в России до 17-го года и после нашествия большевистской орды является патриархальная норма жизни, в первом случае, и отсутствие таковой, во втором случае. Результатом нашествия большевистской орды стало погружение населения в нравственное варварство, которое разрушило патриархальный быт, отбросив образ жизни человека в психологию агрессивного стана кочевников, где действовали животные инстинкты, переплавляемые в механический труд на заводах и на полях. Здесь следует заметить, что механический труд, который по представлениям марксизма сформировал из обезьяны человека, способен формировать не разум, а лишь низшие познавательные способности: рассудок и чувство. Кроме того, энергичный рост механического труда в качестве реализации исторического прогресса происходит только там, где или патриархальные позиции разума максимально ослаблены или где не существует рациональных коммуникаций вообще. Но в

любом случае, рост производительности труда характеризует забвение разумных начал психики, поскольку механический труд антиэстетичен, то есть исключает в своей деятельности высшие ресурсы психики.

Безусловно, в комплексе идей марксизма мы обнаруживаем все тот же поверхностный рассудок английской школы эмпиризма, для которого представления о воле являются упорядоченностью человеческих влечений в соответствии с устоявшейся традицией – мыслить мир исключительно механически. Заметим, что в механическом понимании мира в полной мере отображается компромисс между представлением о божественном начале, двигавшим научные открытия Ньютона, и необходимостью познавать конструкции бытия в качестве конкретных чувственных объектов. Эти идеи разобраны в трудах классиков английского эмпиризма, у таких философов как Локк и Гоббс. Однако зачаточное представление о разуме в его отчетливой поверхностной сущности здесь присутствует в полной мере, когда именно из чувства удовольствия от потока непосредственной живости чувственных ассоциаций и возникает то сомнительное сознание свободы, которое является базовым для политических идей либерализма.

Возвращаясь к российской истории, которая прерывается нашествием большевистской орды и формированием на ее территории агрессивных кочевых станов, получивших название СССР, мы обнаруживаем процесс, который определяем как метафизику возникновения и исчезновения

расовой реальности *homo sapiens*. Этот процесс характеризуется постепенной трансформацией неразумной психологии кочевника к самым примитивным, характеризующим нравы Темных Веков, зачаткам патриархальной жизни. Так, переломным моментом в существовании кочевых станов на территории бывшей Российской империи мы обнаруживаем сталинский режим власти, который начал формировать новую предпосылку для патриархальной нормы жизни, без участия которой не способна существовать никакая государственность. Было бы наивно полагать, что этот переломный момент, пресекающий полное исчезновение России как единого государства, с появлением зачатков новой патриархальной основы ее существования дает пример опыта разумной индивидуальности. Здесь мы встречаемся с феноменом активности животной агрессии кочевого стана, который внедряет «ветхий завет» существования разума на уровне эмпирической достоверности конкретного сознания механической материи. По-видимому, таким образом формировались первые лигаристические союзы на территории Западной Европы в Темные Века, когда в него вклинилась идеология новой веры в единого бога со стороны ценностей Римской империи периода ее упадка. И здесь мы должны указать на происхождение подобной радикальной метафизической силы, преобразующей психологию кочевника в основы патриархальной нормы жизни в тот момент, когда практически все основы государственности разрушены, а национальная элита уничтожена. Речь, в данном случае, идет о загадочной природе расового бессозна-

тельного, которое доминирует на пространствах некоторой территории как определенной расовой памяти человека.

Мы утверждаем, что подлинные основы высшей психики, определяющие функциональность рационального мышления, взаимосвязаны с расовой памятью человека. Это не генетическая память, которая обусловлена инстинктом самосохранения человека, будучи частью инстинктивного стремления к выживанию. Такого рода память, безусловно различающая людей на биологические виды рас, которые характеризуют их особенности как животных существ, нас интересует мало, поскольку нас вообще мало интересуют вопросы матриархальной сущности человеческой психики. Расовая память – это память, которая взаимосвязана с бессознательным инстинктом смерти, являющимся аккумулятором метафизических усилий воли, то есть энергетическим психическим резервуаром пространства, в котором доминирует патриархальная норма жизни.

Когда мы рассуждаем о расовой памяти бессознательного, то имеем ввиду то, что связано с единым полем воздействия памяти *homo sapiens*. Оно определяет воспоминания всего известного опыта патриархальной нормы человека, начиная с истории древних восточных цивилизаций. В отличие от естественного состояния человека, не требующего какой-то моральной ответственности перед суровым законом, патриархальная норма жизни человека есть отображение этого закона как сознания безусловного права высшей ценности нравственного долга. Именно сохранение единства России

при сталинском режиме в качестве переплавки инстинктов варваров большевистской орды в государственную психологию под воздействием расового тысячелетнего исторического опыта России следует рассматривать как перелом от эйфории матриархальных инстинктов свободы в среде большевистских кочевых станов к необходимости формирования зачатком новой модели мировой цивилизации.

Исторические сведения о Темных Веках мировой истории очень скудны, поскольку архитектоника бытия любой исторической эпохи характеризуется мерой реализации в ней разумных начал жизни, тогда как таковые почти отсутствуют в мире теней, то есть в историческом пространстве, где не существует эстетическая картина разумной исторической реальности. Ведь эстетическая картина реальности, которая суть фрактальная мера онтологии времени данной исторической эпохи, предполагает, что найдена высшая шкала ценностей, отображающая себя в непосредственном образе жизни человека. Но «темнота» Темных Веков характеризуется именно отсутствием системы высших ценностей, которые определяют собой современную позицию разуму. Такова была нравственная атмосфера Темных Веков Западной Европы, где почти тотально доминировали ценности ветхого библейского завета, и такова реальность российской истории, начиная с 17-го года, где практически тотально господствовали «ветхие» представления о разуме,

сложившиеся в английском эмпиризме. Такого рода конструкции подобия исторических событий, открытых в концепции мировой истории Шпенглера, мы называем «метафизическими фракталами» топологических взаимосвязей истории, то есть воспроизведение подобных элементов исторических событий, имеющих принципиально различную конечную архитектонику эстетической природы бытия. В метафизическом фрактале бытия, в нашем понимании, существует процесс «блуждающей» аккумуляции энергии высшей психики человека вследствие активизации в нем памяти расового бессознательного. Так, если рассмотреть объективно рациональный смысл понятия «псевдоморфозы культуры» у Шпенглера, то она раскрывается с точки зрения необходимости периодического возврата расовой памяти к высшим ценностям прошлых моделей мировых цивилизаций. Здесь принципиален тот факт, что возврат происходит именно к высшим ценностям, тогда как низшие ценности повседневного образа жизни человека, характеризующие его конечные влечения, несмотря на формальные различия у всех народов, по сути одни и те же.

Если проанализировать весь период правления династии Романовых в России, который характеризуется процессом нарастания разрушения патриархально-родового быта, с одной стороны, и подражанием государственно-политической системе Западной Европы, с другой, то основу его исторических событий следует видеть в смещение активности расового бессознательного *homo sapiens* на

территорию Московского государства, которое начинает активизировать расовую память человека за пределами традиционных родовых инстинктов. Именно поэтому географическое место становления новой модели цивилизации («русско-сибирской» по Шпенглеру) возникает в России, а, например, не в Китае, Индии или арабском мире. В постепенном смещении панорамы мировых исторических событий на территорию России, прежде всего, в событиях мировых войн, следует видеть передвижение единого потока расового бессознательного *homo sapiens* с территории Западной Европы в сторону России. Процесс этого смещения топологического «ядра» расового бессознательного на территорию России происходил особенно энергично в период двух исторических моментов. Первый, совпадает с реформами Петра I, второй, со сталинским режимом власти. Особенность этих двух исторических фрагментов российской истории состоит в том, что эти политические системы возникали как попытка преодоления психологии кочевника, доминирующей на территории России как после нашествия татаро-монгольской орды, так и после нашествия большевистской орды. Ведь это только не критическое мышление, не имеющее в своем основании разума, способно полагать, что в 17-ом году в России произошла революция. Для мыслящего человека понятно, что речь идет о нашествии кочевников, чье иго, собственно, не закончилось и в наше время. Отличие же между этими двумя нашествиями заключается только в том, что первое нашествие было

внешним, а второе – внутренним. В понимании таких нашествий на патриархальный образ жизни человека выражается глубинная подсознательная борьба: между разумом и неразумными началами животных влечений души. И если в зачаточных действиях воли Петра I историческая канва событий вполне отчетлива, когда подражательный проект государственности проистекал из необходимости революционной модернизации русской армии, то со сталинским режимом власти дело обстоит значительно сложнее. Первое, что кардинально отличает эти два режима власти – это то, что проект петровских реформ происходил в пределах русской государственности, тогда как сталинский режим власти фактически формировался из животных инстинктов кочевой орды, которая возникла на территории Российской империи после ее падения. Таким образом, если в реформах Петра I, безусловно, доминировал русский национальный архетип психологии, то в сталинском режиме о его присутствии можно рассуждать лишь с учетом существования психологии русских национальных анклавов. Ведь только максимально люмпенизированный элемент в среде русской нации мог попасть в «элиту» большевистской орды, став ее составной частью в мистерии матриархальной веры в «спасительную роль пролетариата». Тем важнее для нас тот момент, что вождь большевистской орды, Сталин, попытался структурировать партию большевиков по подобию ордена, то есть переломить психологию кочевников на системном уровне. Понятно, что это благое намерение было обречено

на провал, поскольку психология власти большевистской орды не предполагала присутствия в себе разума по существу, тем не менее, это инстинктивное стремление существа неразумного человека к разумному началу жизни характеризует механизмы процесса действия расового бессознательного *homo sapiens*. Ведь активизация в человеческой психике разума – это процесс не столько «человеческий» или божественный, как это полагала архаичная западноевропейская метафизика, сколько процесс онтологического воздействия метафизической природы времени на высшие слои человеческой психики, где зарождается и формируется рациональный импульс воли. Заметим, что кое-что сталинскому режиму власти по реконструкции психологии кочевника Темных Веков все-таки удалось, когда элементы полуварварской государственной психологии создали первый элементарный опыт патриархального быта новой модели цивилизации. Так, когда мы анализируем исторический перелом от эпохи Темных Веков к Средневековью, то на первой стадии находим разрозненные человеческие орды, которые связаны только племенными инстинктами, а на второй стадии – то, что мы называем «лигаристическими союзами» (от лат. *ligare* – связывать, связь). Лигаристический союз – это связь раздробленного, то есть фрактальная реальность рациональных коммуникаций в эпоху расовой катастрофы. Их функция – связывать, структурировать политические элементы топологии нового проекта мировой цивилизации, когда разумная субъективность существует

в состоянии «нулевого» объективного присутствия с точки зрения существования рациональных коммуникаций.

В истории философии мы сталкиваемся с двумя типами нигилистического отношения к действительности: нигилизмом силы, который разработала философия Ницше и нигилизмом истеричного социального протеста, характеризующий нравы и ценности русской интеллигенции до нашествия большевистской орды. Понятно, что процесс производства, с которым идеи марксизма связывали основу развития мировой истории, определяет методы трансформации низшей человеческой психики (психологию раба) в нечто полезное для выживания. Ясно, что процесс технологического производства не имеет отношения к разуму, как не имеет отношения к разуму вообще какая-то экономическая реальность. Экономическое мышление не выходит за пределы двух низших познавательных способностей познания: непосредственного чувственного восприятия и поверхностного рассудка, чья живость мысли несет в себе эйфорию освобождения от патриархального быта, меняя его на матриархальные ценности: свободы и равенства. Таким образом, если нигилизм слабости ума, характеризующий русскую интеллигенцию, например, в позиции Белинского или Писарева, вполне естественно трансформировался в систему ценностей интеллигенции советской, обслуживающей тоталитарную секту марксизма на территории быв-

шей Российской империи, то нигилизм силы субъективного разума у Ницше в западноевропейской мысли практически растворился в безвольной болтовне постмодернизма и мифологии мышления Хайдеггера. Одновременно, позиции позитивистской мысли вполне благополучно отнесли моральные идеи Ницше к «иррационализму», тем самым пресекая дальнейшую возможность развития понимания исторической природы разума, которая бы выходила за пределы традиционных догм о его научном обосновании.

Вопрос возврата к моральным идеям философии Ницше, равно как и вопрос о подлинной природе объективного исторического разума, поставлен самим историческим временем, когда период стагнации и тотального иррационализма человеческой жизни, протекавший последние десятилетия в мировой цивилизации заканчивается. Западно-европейская цивилизация вступила в исторический период, который предсказал Шпенглер, характеризующийся постепенным превращением низшей системы ценностей экономического мышления в мифологию жизни, которая тотально противостоит разумным началам человеческой души. И действительно, историческое время доминирования высших ценностей в образе жизни человека ограничено, как, впрочем, и ограничено доминирование низших ценностей на определенном историческом промежутке времени возвратом назад, к новому становлению системы высших цен-

ностей. Так, по-видимому, периодическое доминирование то матриархальных, то патриархальных инстинктов подсознания человека в мировой истории в различной среде народов и в различных моделях мировых цивилизаций определяет диалектику внутренней борьбы между животными влечениями и необходимостью разумного действия воли.

То принципиальное новое, что мы вносим в понимание существа рационального исторического мышления, выражается в необходимости выводить его не из абстракций рассудка, а из самого расового подсознательного инстинкта человека. Понятно, что речь не идет о биологическом инстинкте расы, а о том, что, наоборот, ему противостоит в глубинах подсознании, об инстинкте смерти. И здесь возникает то недоразумение, которое характеризует современные поверхностные представления о психических процессах человека. Особенность этих поверхностных представлений состоит в том, что любые побудительные мотивы человеческой психики рассматриваются в современной психологии как «влечения», хотя импульс воли никуда не влечет. В импульсе воли нет ничего «человеческого» с точки зрения влечения, если рассматривать великие произведения мирового искусства, события мировых войн или процесс появления мировых научных открытий. Наоборот, в метафизическом импульсе воли существует максимальная неподвижность влечений, или, можно сказать, полная отрешенность от них, что и создает патриархальное пространство психической нормы полноценной жизни. Эта тополо-

гия роста метафизического импульса воли характеризует состояние максимальной сосредоточенности сознания на воспоминании, которое возникает из воздействия расовой памяти человека – через подсознательный инстинкт смерти – на непосредственную сферу его сознания. Известно, например, что Сократ мог находиться в таком сомнамбулическом состоянии предельной концентрации сознания на течении образом расовой памяти достаточно длительное время, находясь под ее властью. И, вероятно, подлинный механизм действия идеи у Платона, с учетом влияния на него учения Сократа, необходимо искать именно в самом основании структуры идеи – действовать как процесс постоянного воспоминания высших ценностей исторического прошлого. Собственно, вся моральная база патриархальной психологии человека как реализации определенной системы рациональных коммуникаций строится именно на процессе воспоминания или того, что у Ницше определяется как идея «вечного возвращения».

Современная биологическая наука, опирающаяся на архаику философской базы мысли, рассматривает человеческую расу как продукт эволюции животного мира. Однако животный мир – это то, что является неразумным по существу, а потому современная биологическая наука стоит на иррациональных позициях, которая в полной мере поддерживает низшие ценности массовой цивилизации. Ведь классическая западноевропейская философия исходила из того, что начало бытия есть бог, который мыслился по-

разному: законы физического мира – в английском эмпиризме, или, например, как абсолютный дух – у Гегеля, то есть рассматривало объект как «сотворенное», тогда как современный разум рассматривает объективность как структуру модели в онтологическом потоке времени бытия. Эта структура модели конструируется из такой субъективности, в которой субъект-объектные связи суть топологическая, а не линейная, основа действия разума. Отсутствие дуализма топологического рационального мышления, характеризующего классическую западноевропейскую метафизику, проистекает из противопоставления в старой метафизике представления о боге и человеке, тогда как невозможность представления онтологического потока времени характеризует равносильность фрактального множества начала бытия единству этого потока в новой метафизике. Однако подобного рода фрактальная сущность метафизики бытия топологии разума никак не предполагает какого-то возврата к политеизму, поскольку время – это максимально несоизмеримое в сознании как поток непрерывных образов расовой памяти, где все боги являются только локальными конструкциями определенной модели традиции веры. Расовая память человека – это метафизическое течение воспоминаний высших ценностей, заложенных в высших слоях психики, которые активизируются как реальность существования *homo sapiens*. Таким образом, мыслящий человек, в отличие не мыслящего, отображает метафизику действия нравственного долга перед историческим опытом

высших ценностей как конструктивную основу существования реальности рациональных коммуникаций.

Возвращаясь к попытке сталинского режима сконструировать примитивную систему лигаристических союзов, мы осознаем, что идея подобной государственности возникла не из-за осознанной потребности разумной индивидуальности, которая не может существовать в племенной среде, а из-за каких-то глубинно бессознательных импульсов высшей психики. Именно это зачаточное пробуждение потребности примата воли над животными влечениями стало переломным в существовании активности большевистской орды на территории бывшей Российской империи. Другими словами, речь идет об одной из центральных идей Ницше, «воли к власти». Когда поверхностный рассудок пытается применить какой-то научный метод в понимании этой идеи, то сразу же делает вывод об ее «иррациональности». В действительности же, объективно-рациональное содержание идеи «воли к власти» имеет вполне метафизическое содержание, которое выражается в необходимости восстановления позиций воли, а значит, и разума в среде, где оказались практически полностью разрушены рациональные коммуникации. В этом смысле, историческая эпоха Ницше характеризуется началом катастрофического развал всей рациональной модели западноевропейской цивилизации («нигилизм»), чьи простейшие элементы топологического

единства формировались еще в начале Средневековья. Таким образом, воля к власти требует строительства новых рациональных коммуникаций с учетом кардинально изменившейся онтологической основы исторического времени.

Рассмотрим объективное рациональное содержание идеи «воли к власти» у Ницше. Во-первых, простота и одновременная максимальная актуальность этой идеи проявляется полностью только в наше историческое время в иррациональных процессах массового общества и в социальных институтах, обслуживающих это общество. Речь, собственно, идет о том, что если воля не будет проявлять своего стремления к власти, то власть естественно перемещается к животным влечениям человеческой души. А животные влечения человеческой души хотя и демонстрируют нечто «человеческое», но таким образом, что это «человеческое» уже не имеет никакого отношения к разуму, хотя и пытается выступать от его имени. Наиболее образно ярко эту историческую ситуацию описывал Платон, сравнивая социальных людей с куклами-марионетками, которыми движут животные влечения как неразумными существами. Он противопоставлял этим социальным «куклам» существование вечных идей, то есть процессов воспоминания высших ценностей в расовой памяти человека, в которых зарождается и формируется метафизический импульс воли. Таким образом, социальный человек, или человек массы, является по отношению к исторической сущности разума неразумной «куклой», которая активна исключительно за счет своих

«веревочек»-влечений (по Платону). Как мы видим, человеческая природа меняется мало, когда понятия различны, а суть человеческой природы одна: либо быть разумной, что равносильно – обладать волей, либо быть неразумной, а значит, уподобляться животному.

Мы должны осознавать, что с вопросом о памяти предков не так все просто, как это существует на уровне обыденных человеческих представлений. Когда рассуждают о памяти предков, то начинают сразу ограничивать предмет обсуждения законами традиции, забывая, что сама традиция имеет определенное историческое содержание только в соответствии с определенным рациональным содержанием момента своего происхождения. Кроме того, традиция в своем историческом развитии проходит различные этапы, где существует и начало, и расцвет и, наконец, неизбежное время ее исчезновения. Мы утверждаем, что традиция является следствием постоянной внутренней борьбы подсознательных инстинктов человека между импульсами влечений и импульсами воли. Но главное, что традиция жива только тогда, когда поддерживается патриархальной психологией человека, проистекающей из разумных движений его души, где она является отображением осознанной разумной нормы его поведения.

В размышлении над памятью предков мы, безусловно, сужаем предмет нашего внимания к происхождению патриархальной психологии человека как сферы отображения разумного начала его души. Наше ограничение анализа па-

триархальной психологии человека вызвано убеждением, что расовое бессознательное homo sapiens – это отображение онтологического потока времени, в котором следует искать подлинное начало происхождения разума. Другими словами, разумное начало человеческой души является доминирующей психической нормой для всех народов Земли, хотя традиции всех народов резко отличаются. Только это объясняет факт доминирования различных великих народов в истории развития мировой цивилизации. Причину подобного доминирования Гегель исследовал в учении о существовании абсолютной идеи мировой истории. Если реконструировать логическое понятие «абсолюта» до сознания расовой памяти, то речь идет о существовании исторического эпицентра мировых событий, в которых великое историческое прошлое наиболее «прозрачно» в осознании понимания существования высших ценностей как разумного начала бытия. Таким образом, если традиция сохраняет в себе все виды ценностей, то расовая память оставляет место только для ценностей высших. Ведь высшие ценности потому и нельзя объединить в неразумную часть традиции, что они являются топологическими событиями онтологических связей времени, по отношению к которым божественное и человеческое вторично. Основным инструментом высших ценностей – эстетический феномен, который выражается в произведениях искусства и архитектуры.

Когда мы утверждаем, что мир является топологическим комплексом метафизических фракталов, которые суть многообразие подобия и симметрии элементов сущего в онтологическом потоке времени, то, в первую очередь, рассматриваем структуру эстетического феномена. Особенность структуры метафизики эстетического феномена состоит в его возникновение в сознании как отображения высших, а не низших, процессов психики. Так, высшие процессы психики, концентрирующиеся вокруг активности подсознательного инстинкта смерти, не относятся к системе животных влечений, которые определяют низшие психические процессы. Мы вообще не знаем, что происходит в энергии психического потенциала инстинкта смерти, однако очевидно, что эта энергия не может быть влечением по сути, поскольку это бы полностью противоречило сущности разумного начала жизни. С другой стороны, для нас ясно, что метафизика импульса воли формируется именно в инстинкте смерти, который аккумулирует процессы расовой памяти человека, погружая сознание в онтологический поток времени. Это погружение происходит в результате концентрации на высшей познавательной способности потока мыслей, то есть в сфере рационального мышления, которые проникают в метафизику бытия как многообразия его фрактальных сущностей.

Первое, что характеризует объект-субъектную сущность метафизики фрактала бытия – это его эстетическая кон-

структивная основа, которая фактически указывает на художественно-пластическую структуру материального мира. В этом смысле, механические связи материи, на анализе которых развивалась физическая система представлений старой метафизики, являются лишь «спасительным» пространством для низших познавательных способностей: непосредственного чувства и поверхностного рассудка, поскольку строятся из полного доверия системе первичных чувственных ассоциаций. Подобное доверительное отношение к восприятию первичных чувственных ассоциаций, которые требуют, чтобы они являлись базовым доказательством любого субъективного знания, проистекают из ограниченности низших познавательных возможностей способностью представления чего-либо. И действительно, возможность что-либо представить, то есть сконцентрироваться на конечности определенного набора первичных предпосылок мышления, всегда исключает противоречивость онтологического момента времени, то есть момент отрицания этого представления в бесконечности ускользающих темпоральных рядов: настоящего, будущего и прошлого. Данной проблемой занимался Гуссерль, который пытался найти научное решение этой задачи. Однако самой загадочной природой метафизики времени является не объяснение ее логики действия как системы, а то, что эта логика ускользает в реальность исторических событий, а значит, в непосредственном соприкосновении человеческой психики требует контакта с духовным наследием прошлого.

Мы должны освободиться от мистицизма современного позитивизма, утверждающего линейность процессов времени. Природа этого мистицизма современного позитивизма очень глубока, уходя своими подсознательными основами даже не в веру в научно-технический прогресс, а в моральные традиции библейского завета. Однако эмоциональный протест против глубинных слоев подсознания, сложившихся под воздействием традиции, характеризующий, например, многократные выпады Ницше против христианства, не решают вопроса о новом существе начала бытия как времени. Наоборот, возникновение новой метафизической картины реальности происходит очень медленно, поскольку первоначально вообще не имеет никаких доказательств, кроме самого откровения метафизического начала бытия. Главным же критерием откровения подлинного метафизического начала бытия является обращение в «мусор» предшествующей метафизической школы мысли. Однако как признать «мусором» то, что составляет весь непосредственный образ жизни человека, все многообразие технологических процессов массовой цивилизации, ее интеллектуальную базу, то есть фактически признать, что имешь дело с небытием?

Ясно, что если механическая картина реальности – это BLITEUM (лат. – «мусор») небытия, то бытие не может быть «мусором», который существует в низших познавательных способностях познания. Главным конструктивным отличием

структуры метафизического фрактала от образов механических связей реальности является максимально рассеянное внимание на возможностях представления, поскольку объект «растворяется» во множестве элементов, где каждый, сохраняя структуру целого, одновременно, отрицает ее как возможную конечную механическую связь. На подобной невозможности метафизики рациональной мысли быть только механической структурой, указывал еще Гегель, когда утверждал, что рациональное мышление всегда противоречиво, поскольку, в противном случае, это мышление ограничено конечностью представлений рассудка. И если в западноевропейской классической философии доказательством этой несоизмеримости сакральной природы бытия являлся бог как высшая субстанция бытия, то современная метафизическая мысль не может принять подобные аргументы для онтологического доказательства. Собственно, в старой метафизике взаимоотношений: человек – бог вполне было достаточно научной аргументации в понимании онтологических процессов, поскольку любая человеческая мера всегда конечна, будучи определенной системой представлений, наиболее полно отображаясь в систематических методах науки. Однако новая метафизическая система: человек – время не предполагает научной аргументации в доказательстве онтологических свойств бытия, поскольку основы научного знания, как определенная система конечных представлений о бытии, сложилось в традиции старой метафизической школы мысли.

Таким образом, мы полагаем, что научное мышление и, в первую очередь, научные методы математики являются методом упрощения высшей системы ценностей в отличие от исторических эпох, где разум оказывает максимальное влияние на непосредственную жизнь человека. Мы имеем ввиду эпоху Возрождения с ее аристократическим типом власти. Как известно, Шпенглер описывает несколько таких эпох «Возрождения» в качестве различных моделей мировой цивилизации, а также указывает на первый момент ослабления воли к власти высшей культуры в ее переходе к «мертвым» процессам цивилизации, когда великие произведения искусства исчезают, а наука, наоборот, начинает резко развиваться. Однако встает вопрос: что понимать под «культурой»? Ведь вера в непосредственные чувственные восприятия, вера в собственный рассудок и вера в разум – это три, совершенно различные виды культуры, когда Платон даже соотносит их с ценностями торговца, воина и философа. Например, современные методы культурологии требуют верить в многообразный BLITEUM массовой цивилизации как единственно возможную систему существования ценностей.

Возвращаясь к эстетической реальности существования метафизической структуры фрактала, следует сказать, что она определена двумя составляющими: возвышенным состоянием души, вызванным непосредственным восприяти-

ем эстетической реальности и активностью подсознательного инстинкта смерти, который аккумулирует метафизическую активность воли. Заметим, что эти две предпосылки рационального мышления взаимно зависимы, поскольку без полноценного эстетического созерцания не существует метафизического импульса воли и наоборот. Так, только эстетическое созерцание способно преодолевать инстинкт смерти в момент соприкосновения с онтологическим потоком бытия, поскольку ни чувственное восприятие и ни поверхностный рассудок ничего не могут противопоставить конечности человеческого существования.

Чем являются «высшие ценности», эти конструкции мышления философии Ницше, о которых мы слышим на политических и социальных симпозиумах в наше время? Мы слышим о «правах человека», о «свободе личности», о «свободе совести» и так далее и тому подобное. Но в контексте понимания диалектики рациональной морали, равносильной в философии Ницше «морали господ», речь не может идти о свободе, поскольку свобода – это то, что дано изначально разумному началу души, присутствуя в ней как априорная предпосылка ее существования. Следовательно, о «свободе» с таким упорством может рассуждать только тот, кто не является свободным от природы, но стремится к ней как к какой-то по ту сторонней «высшей ценности». А поскольку разумный человек свободен от природы в силу того, что разум сам

является непосредственным критерием всего многообразия высших ценностей мировой истории, то только неразумный человек может отождествлять свободу с высшими ценностями. Следовательно, мы имеем фальсификацию конструкции ницшеанской мысли в точности до наоборот, то есть это тот случай, когда низшие ценности выдаются за ценности высшие. Такого рода фальсификации, когда фальсифицируются основные философские понятия: «воли», «разума», «духа» и другие, – неизбежны в момент практически полного исчезновения рациональных коммуникаций цивилизации, то есть в процессе расовой катастрофы, когда активность высшей психики человека катастрофически падает. Таким образом, вопрос о современном историческом существовании высших ценностей является открытым.

Когда мы начинаем излагать учение о существовании разума как свойства расовой памяти человека, то, в первую очередь, вспоминаем учение Платона о вечных идеях и идею Ницше о «вечном возвращении». Главное, что связывает эти два различных учения – это действие мышления в поле непосредственного процесса воспоминания расовой памяти, в котором сознание пребывает как неразрывная взаимосвязь с метафизическим импульсом воли. В противном случае, то есть в случае отсутствия взаимосвязи сознания с метафизическим импульсом воли, сознание подпадает под воздействие влечений и, как следствие, становится сферой низших познавательных способностей познания человека: непосредственного чувства и поверх-

ностного рассудка. Следовательно, структура платоновской идеи строится из топологической взаимосвязи комплексов фракталов, которые отображают метафизические импульсы воли как связи онтологических длительностей времени. В контексте структуры платоновской идеи – идея «вечного возвращения» Ницше – это топологическая «свертка» онтологии времени: настоящего, будущего и прошлого в «канат» над бездной небытия, открывающегося отображением тождества мыслящего разума и метафизического импульса воли. В этом контексте, не трудно заметить, что структура идеального государства Платона строится на основании попытки возвращения греческой мысли к кастовой организации египетского государства, поскольку др. греческий полис также переживает в историческую эпоху Платона процесс расовой катастрофы. Таким образом, платоновская идея в полной мере использует метод «вечного возвращения», то есть свойства расовой памяти человека восстанавливать позиции разумного основания души через непосредственное соприкосновение с высшими ценностями исторического прошлого.

Конструктивно-метафизическое содержание фрактала выражает ускользание онтологических длительностей времени к границе бытия и небытия. В срезе нашей исторической эпохи, речь идет о присутствии метафизики воли, с одной стороны, и многообразном BLITEUM массовой цивилизации, с другой. Так, собственно, разум освобождается от «груза» предрассудков мысли в качестве развертывания

нового рубежа мировой истории как откровения онтологической сущности времени, где отсутствует рациональная школа мысли, то есть в позиции европейского нигилизма.

Принципиальным различием между метафизическим и физическим объектом является наличие активного действия расовой памяти, в первом случае, и отсутствие ее активности, во втором случае. Здесь следует заметить, что следствием изменения топологии метафизики объективного разума является различное действие в памяти составляющих ее метафизических фракталов. Если механизмы памяти массового бессознательного человека были изучены в психоанализе, показав движущую пружину низшей психики человека и основу происхождения низших ценностей, то поле расовой памяти, насколько нам известно, никто не исследовал. Так, исследование расовой памяти как отображения высших процессов психики было всегда прерогативой философии, поскольку только философия непосредственно занималась высшими познавательными способностями человека. Отсюда, в частности, ведет свое происхождение известная неприязнь к философской позиции во все исторические времена, поскольку философия всегда есть напоминание человеку о том, что он обладает разумом, вызывая тем самым достаточно тяжелые психосоматические состояния души, неизбежно возникающие в момент интенсивной работы высшей психики. Однако следствием ослабления

активности разума в психике человека неминуемо является процесс деградации, поскольку в этом случае активность животных инстинктов резко возрастает, патриархальная психология разрушается, а на смену ей приходит полное отсутствие психической нормы.

Когда мы рассуждаем о действии расовой памяти, то указываем на три ее составляющие: онтологический поток времени, метафизику импульсов воли и, наконец, динамику активности подсознательного инстинкта смерти. Таким образом, в вопросе возникновения разумной деятельности человеческой души необходимо должно участвовать нечто не-человеческое, что отображает ее высшие психические ресурсы. И если в истории западноевропейской метафизики этой несоизмеримой субстанцией был единый бог, то современный перелом развития истории метафизики в области отношения к несоизмеримой субстанции указывает на объективность онтологического начала времени. Именно радикальный перелом от субъективности как отношения к божественному в сторону отношения ко времени и составляет кардинальный поворот развития мировой цивилизации к какой-то принципиально новой модели.

Через процесс ослабления расовой памяти субъекта можно объяснить объективное происхождение современной эволюционной теории, доминирующей в биологической науке. Так, поскольку взаимосвязь с разумной идеей бытия в процессе расовой катастрофы утрачивается, то в конструктивных возможностях поверхностного рассудка

начинает доминировать BLITEUM небытия, чье неразумное многообразие выдается за «разум». В действительности же, непосредственность чувственного восприятия как единственная познавательная возможность мышления является лишь полной утратой разумной активности души, которая возникает в момент катастрофического ослабления расовой памяти субъекта. Психологически, это означает, что грань между животными влечениями и метафизическим импульсом воли в истории стирается, когда социальные цели полностью замыкаются в восприятии технологических процессов цивилизации, и, как следствия, в мифологическом восприятии разума. Психоаналитическая теория Фрейда много сделала для того, чтобы показать отсутствие разума в массовом бессознательном, тем самым расчистив место для понимания действия разума в расовой памяти субъекта.

Здесь мы должны подчеркнуть, что расовое бессознательное нельзя отождествлять с коллективным бессознательным, понимание которого разрабатывал Юнг. Он исходил из общеродовой функции памяти коллективного опыта субъекта, не различия систему высших и низших ценностей, то есть не выходил за границы низших познавательных способностей сознания. Мы же связываем действие расовой памяти исключительно с высшими ценностями, которые являются продуктом активности высших психических процессов души. главное же состоит в ложной предпосылке понимания инстинкта смерти в психоаналитической теории как «влечения», которое исключает психический импульс воли как реальность ее метафизического существования.

Одним из основополагающих утверждений нашей теории взаимосвязи расовой памяти человека с мерой активности разума в душе является метафизическая способность подсознательного инстинкта смерти производить реальность существования исторического времени. Так, метафизическая взаимосвязь с историческим временем – эта мера активности воли в мировой истории, которая не относится к психической активности влечений. Признаком наличия воли является определенная система патриархальной психологии человека, то есть психологии, в которой доминирует полноценность человеческой психики как метод топологического «развертывания» образов сознания расовой памяти в качестве авангардных позиций объективного исторического разума. Очевидно, что авангардные позиции исторического разума – это и есть непосредственное течение исторического времени, в котором субъективное сознание существует под полным контролем метафизического импульса воли.

Главной аналитической особенностью существования метафизического фрактала является его эстетическая структура, которая моделирует и феномены материи, и феномены духа. Научную конструктивную особенность метафизического фрактала мы оставляем для анализа математических фракталов, тогда как их эстетические свойства в контексте понимания духовных феноменов бытия должны

стать частью нашей теории взаимосвязи расовой памяти субъекта и объективного происхождения метафизического содержания разума. Так, онтологическая сущность времени как производящая мир субстанция воспринимается как единая эстетическая картина мира, где каждый элемент этого единства обладает способностью свертывания как к минимальной точке своей структуры, так и к максимальному разворачиванию топологии метафизического поля, чей горизонт теряется для возможностей представления. Отметим здесь главное, – представление не имеет возможности охвата всей эстетической картины в целом, а имеет дело только с локальным созерцанием художественной картины бытия, где отдельные структуры указывают на перспективу возможности ее свертывания как к бесконечно малым конструкциям, так и к бесконечно большим моделям. Можно сказать, что в метафизическом фрактале субъект-объектная картина реальности «размазана» в качестве топологической неопределенности рефлексии переходов, которые на психологическом уровне определяют свободную трансформацию потока метафизического импульса воли, как в сферу сознания, так и в сферу самосознания. Однако объективно осознать, где заканчивается воздействие расовой памяти и где начинается чистая субъективность рационального мышления, практически невозможно, поскольку топология онтологического потока времени не имеет линейной исторической границы между прошлым, настоящим и будущим. Это отсутствие рефлексии исторической границы

между прошлым, настоящим и будущим является особенностью онтологического потока времени, производящего бытие в качестве метафизики импульсов воли, которые суть – локальная картина онтологического потока времени как в минимальной конструктивной функции фрактала бытия, так и в максимальной целостности действия его модели.

Когда мы ставим себе задачу: понять, как устроен метафизический фрактал бытия, то мы должны забыть о возможности его изучения с точки зрения какого-то подобия механизма. Интуитивная механическая картина мира действовала в старой метафизике, которая в наше историческое время, вследствие исчезновения действия расовой памяти субъекта этой метафизики, стала только физической картиной реальности, то есть конечностью сознания материального мира. Такая реальность, где присутствуют только конструкции феноменов материи, является закономерным переходом старой метафизической школы рационального мысли к конечности рассудка, когда ресурсы высшей психической активности субъекта, или метафизическая активность воли, исчерпываются. Именно факт исчерпания высших ресурсов психики демонстрирует нам современная западноевропейская цивилизация, где разрушение метафизической картины бытия привело к единственности существования только физических феноменов реальности. Можно сказать, что в данном случае расовая память субъекта исчерпала себя, стремясь замкнуться на воспроизведении конечных воспоминаний массового бессознатель-

ного. В этот момент начинают преобладать инфантильное состояние психики, чье доминирование характеризует неизбежность окончательной реконструкции патриархальной психологии человека, в которой активна воля.

Вместо интуитивно механистического подхода, который существовал в старой метафизической картине реальности, мы имеем дело с интуитивной картиной единого топологического поля субъекта и объекта, которые указывают на авангардную сущность объективного исторического разума как непосредственную функции расовой памяти человека. С другой стороны, старая метафизическая картина реальности становится достоянием инфантильного сознания, то есть действием конечной ассоциативной памяти, где взаимосвязь с достаточно отдаленным историческим прошлым разрывается. А разрывается эта взаимосвязь в силу того, что высшие ценности, субъективно, или тензоры топологии разума, объективно, рассеиваются онтологическим потоком времени в качестве локальной границы восприятия метафизических фракталов определенной исторической эпохи: в науке, в политической жизни, в искусстве, то есть разум перестает доминировать как средство коммуникации между людьми. В результате, политические структуры, возникшие в качестве авангарда развития объективного исторического разума, перейдя в арьергардные по отношению к разуму исторические конструкции, становятся источником иррационального образа жизни, где доминируют иррациональные влечения. С психологической точки зрения, метафизический импульс воли перестает активно действовать.

Таким образом, метафизика *ager* (лат. – поле) является основой возможностей современной рациональной метафизики, когда средства интуитивной картины механических связей переходят в область архаичных способностей познания, перемещаясь в область *BLITEUM* (лат. – «мусор») материальной реальности. Собственно, принципиальным различием между материальной и духовной реальностью следует рассматривать различную систему координат во времени поля памяти субъекта. Если память способна метафизически выражать высшие ценности тысячелетий, одновременно присутствуя в настоящем времени, то речь идет о расовой памяти субъективности. Если же сознание воспроизводит образы памяти, в основном, на уровне инфантильного мышления, то есть исключительно настоящего времени, то речь идет о действии массового бессознательного. Здесь разумная субъективность теряет какие-то грани присутствия, становясь продуктом массовых ценностей и, как следствие, процессов и связей массовой цивилизации.

В понимании существования *homo sapiens* как продукта расовой памяти человека, мы утверждаем, что *homo sapiens* – это высший расовый «продукт» мировой цивилизации. В нашем понимании, неразумно делить расы людей по биологическому принципу, поскольку человек – это не животное именно в силу наличия разума в своей душе. Поэтому деление современной биологической наукой лю-

дей по биологическим признакам утверждает только одно – исчезновение разумной позиции мысли в современной биологической науке, по крайней мере, на официальном уровне, поддерживающим биологическую теорию происхождения человека. В действительности же, поскольку, в отличие от животного, у человека существует еще и высшая психика, то нельзя делить людей по биологическим признакам на основании анатомических и генетических различий, апеллируя к разуму. Такое деление возможно только при условии, что человек является не разумным существом, а, наоборот, существом неразумным. С точки зрения классической философии, такая поверхностная позиция рассудка отрицает существование разума как высшей познавательной способности. С политической же точки зрения, мы были свидетелями в XX веке, как идеи фашизма и коммунизма потерпели поражение в немалой степени из-за того, что опирались в своем понимании человека на биологическое представление о расе в эволюционной теории. Даже фашизм, который пытался рассуждать о «высшем типе человека», опирался на представления о биологическом неравенстве рас, пытаясь доказать то, что не нуждается в доказательстве: превосходство европейцев в современных технологических процессах цивилизации. Но арийская «теория» не выдерживает никакой критики с точки зрения разумного понимания исторических событий. В истории Древнего мира следы отчетливости разума европейской расы практически отсутствуют, если учесть,

что разум является присутствием онтологического потока времени, отображающегося, в первую очередь, в архитектонике великих произведений искусства как подтверждения реальности существования высших ценностей. Зато в Др. Египте мы не только находим артефакты следов высшей человеческой расы в архитектуре древних пирамид и образе сфинкса, но и две основные линии ее влияния на весь дальнейший ход мировой истории: еврейский монотеизм и греческую философию. Этот факт в полной мере восприняла система высших ценностей европейского Возрождения, когда великие художники использовали для сюжетов своей живописи библейскую и античную мифологию. Отметим еще один важнейший момент, который характеризует особенности развитий представлений о разуме, определяя окончание влияния эпохи Возрождения. Если библейские идеи и мифы растворились в формировании психологической основы массового общества и массовой цивилизации, то линию развития греческой школы рациональной мысли в качестве особой моральной психологии др. греческого трагического мифа мы находим в философии Ницше как единственной исторической взаимосвязи с высшими ценностями Возрождения.

Понятно, что с точки зрения известной метафизической традиции западноевропейской школы мысли философия Ницше является чем-то «иррациональным». Комплекс идей

Ницше не вписывается в понимание разума как средства исключительно человеческого рассудка отвоевывать законы понимания бытия у бога. Однако именно внутренний исторический каркас образовавшейся традиции западноевропейской метафизической школы мысли является препятствием для понимания нового существа разума, отразившегося в философском наследии Ницше. Главным в понимании философского наследия Ницше следует рассматривать процесс неизбежности возвращения к расовому бессознательному, которое доминировало в модели цивилизации, существовавшей до возникновения монотеистических представлений о бытии. Здесь заложена базовая сущность основания исторического разума – возвращаться к нравственному опыту высших ценностей, которые находятся в состоянии «покоя» в глубинах подсознательного до очередного начала расовой катастрофы. В момент расовой катастрофы, которая соответствует переходу известных рациональных коммуникаций в BLITEUM связей массовой культуры, то есть в восприятие в сознании существования единственности материальной реальности, происходит сворачивание традиционных политических моделей, где доминировал разум. В этом смысле, идея «вечного возвращения», являющаяся центральной метафизической идеей учения Ницше, утверждает, что возврат в глубинах высшей психики человека к нравственному наследию великого прошлого неизбежен в момент расовой катастрофы, то есть в момент исчезновения базовой основы патриархаль-

ной психологии в традиции. Примером идеи «вечного возвращения» на стыке двух моделей цивилизаций: античной и христианской является возвращение к нравственному опыту египетской культуры, которая, первоначально, активизируется в Римской империи через еврейские ценности монотеизма Ветхого Завета, а затем полностью захватывает большую часть стран мировой цивилизации с учетом распространения в ней монотеистической религии ислама. Таким образом, суть идеи «вечного возвращения» состоит в неизбежности возврата человека к глубинам подсознания высшей психики, где концентрируются начала расовой памяти. Аналогичным образом, и возврат комплекса идей самого Ницше к трагическому восприятию миру указывает на «круговращение» онтологической сущности времени, то есть на возможность «свертывания» времени в определенную топологическую точку в глубинах высшей психики. Ведь, фактически, несмотря на резкую критику христианских ценностей, его философия выступает аналогично идеям раннего христианства в момент процесса сворачивания античной модели цивилизации, а именно, требует возврата к расовой памяти античности в эпицентре ее высших ценностей, то есть к сознанию невинности человеческой души в состоянии остроты трагического переживания жизни.

В вопросе о невинности человеческой души в состоянии глубокого трагического переживания, которое Ницше противопоставляет известным христианским религиозным ценностям, существует обращение к анализу процессов, ко-

торые контролируют высшие начала человеческой психики. Так, собственно, поскольку речь идет о моральном переломе в сознании, уходящем даже не к историческому моменту возникновения мировой монотеистической религии, а о моральных идеях, уходящих к моральной позиции Сократа, то осознать меру новаторства новой моральной системы ценностей в философии Ницше достаточно сложно. Ведь речь идет не о божественном присутствии в человеческой душе, как, впрочем, и не о самом человеке, а о том, что существует на дистанции от этих двух основополагающих и взаимозависимых блоков представлений всей известной метафизической школы мысли. Мы полагаем, что речь идет о начале бытия в онтологическом потоке времени, который указывает на принципиально новую модель развития мировой цивилизации с точки зрения моральных начал самосознания субъективного разума.

Первое, что характеризует идея Ницше о «вечном возвращении» – это особые свойства высшей психики человека в действии его расовой памяти, которая владеет метафизическими импульсами воли, продуцируя их как топологию мировой истории. Топология мировой истории впервые была изучена с помощью поверхностных исторических схем Шпенглером, где отсутствие критически рациональной мысли компенсировалось глубокой эстетической интуицией, то есть попыткой систематизировать фракталы мировой истории с точки зрения их конструктивно-эстетических особенностей. А поскольку мы рассматриваем истори-

ческие события с рационально объективной точки зрения, то нас интересует мера присутствия в событии разумной индивидуальности, которая обладает максимальной активностью субъективной воли. И если в массовом сознании такая личность определяется как «великая», то мы, наоборот, полагаем подобную личность критерием меры присутствия исторического времени, то есть начальной единицей исторического процесса.

Мы утверждаем, что существует расовое бессознательное *homo sapiens*, которое не имеет никакого отношения к массовому бессознательному, поскольку первое, определено в поле действия патриархальной психологии человека, а второе, полем его матриархальных инстинктов. Кардинальным различием между действием бессознательных влечений и бессознательным действием воли является направленность влечений на доказательство чувственной достоверности мира, и, наоборот, замечание импульсом воли чувственной достоверности, то есть психическое усилие по погружению сознания в агер расовой памяти субъекта. Мы не можем достаточно отчетливо сказать: из чего возникает этот метафизический импульс воли, однако мы вполне осознаем, что он имеет ни человеческое и ни божественное происхождение. Мы знаем лишь одно: этот импульс неизбежно проистечет в следующий момент времени только при условии, что наше сознание будет свидетелем целост-

ного бытия в следующий момент времени, то есть при условии, что чувственный мир в каждое мгновение появляется и исчезает как одно из многообразий рациональных граней бытия. При этом, участие здесь нашего человеческого существа минимально, поскольку чувственные ассоциации практически не воспринимаются в состоянии глубокого трагического переживания, которое пронизывает метафизический импульс воли как непосредственное присутствие онтологического потока времени. В результате, об историческом рациональном мышлении можно рассуждать только в контексте непосредственного процесса дифференцирования и интегрирования феномена времени как той или иной топологической грани рациональной структуры бытия. Собственно, классическая западноевропейская метафизика в математическом мышлении и развивалась в этом направлении, однако инерция расовой памяти постоянно возвращала ее назад, к пониманию основной субстанции в качестве божественной меры. Другими словами, инерция расового воспоминания о высшей субстанции бытия в понимании единого бога, уходящего своими историческими рациональными гранями еще к Платону, более не обладает каким-то метафизическим историческим содержанием по отношению к началам патриархальной психологии.

Глава 2

Метафизика разумного начала жизни

Кто в наше историческое время долго размышлял над процессами мировой истории, мог заметить, что в сознании они не схватываются в конечные рассудочные представления в силу исключительно разнообразной эстетической палитры своих фрактальных связей (здесь мы, конечно, исключаем ту современную мифологию истории, которая апеллирует к ее «научному» обоснованию). Так, мы видим, что в процессах мировой истории линии исторических событий, во-первых, имеют особенность повторяться через определенное время, а во-вторых, ускользать от конечных оценок представлений рассудка. Подобное повторение, на которое обратил внимание Шпенглер в своей исторической концепции, мы рассматриваем как метафизические фракталы мировой истории, тем самым утверждая, что мировая история, бесконечно перестраивая свои фрактальные связи, в определенном метафизическом смысле, никуда не движется, тем самым постоянно демонстрируя единый неподвижный центр. На самом простом уровне понимания этого «вечного возвращения» событий мировой истории

к определенной «точке» фрактального центра, можно рассмотреть известную схему линейного понимания исторических процессов, предложенную Гегелем: Средние века – Возрождение – Новое время, но с учетом того, что подобная историческая схема способна не раз воспроизводиться в мировой истории.

Фракталы мировой истории – это высшие ценности, возникающие вследствие активности расового бессознательного, то есть вследствие постоянной реконструкции субъективного эстетического созерцания под воздействием объективного течения онтологического потока времени. Для психологии расовой субъективности *homo sapiens*, которая кардинально отличает ее от инстинктивных влечений массового бессознательного *quasi homo*, характерно, что она определяет собой множество различных фрактальных граней разума в существе различных человеческих рас. Другими словами, человечество обладает историей только по отношению к опыту высших ценностей в качестве единой модели развития, но не обладает подобным единством, если речь идет только о низших ценностях (подобное «единство» массовой цивилизации может существовать только при полном игнорировании разума). Именно в контексте отсутствия разумного понимания событий мировой истории и возникло представление о «столкновении» мировых цивилизаций.

Основой действия метафизического фрактала мировой истории являются его эстетические грани, которые

суть – грани объективного исторического разума. Здесь мы исходим из того, что только причастность к великим событиям мировой истории способна демонстрировать присутствие в ней разумного человека, причем из среды различных человеческих рас. Грань метафизики фрактала бытия, которая образуется эстетическим созерцанием многообразия текучести феноменов времени, побуждает волю к действию, поскольку инстинкт смерти человека возбуждается при воздействии на него потока расового бессознательного. Нам сложно сказать, что было в мировой истории до возникновения первой системы высших ценностей в истории Др. Египта, однако мы утверждаем, что в отличие от потока повседневных забот о выживании, которая характеризует систему низших ценностей в среде человеческих масс, комплекс великих пирамид Египта возник как свидетельство первой архитектоники присутствия разума расы *homo sapiens* в истории мировой цивилизации.

Фрактальная картина исторических событий мировой истории показывает, что постоянное возвращение всей известной цепочки исторических эпох, описанных Гегелем в линейной концепции мировой истории, протекает на фоне неподвижной архитектоники бытия, отображающей постоянную перестройку множества элементов метафизики бытия во времени. Таким образом, время имеет две составляющие: нечто абсолютно текучее, что постоянно присутствует в чувственных ассоциациях как динамическое взаимодействие непосредственных влечений с многообразием мате-

риального мира, и, наоборот, нечто абсолютное неподвижное, что определяет метафизический импульс воли, который является продуктом духовного движения человеческой души. Понятно, что метафизическая объективность действия импульса воли, проистекая из начал высшей человеческой психики, не могла быть предметом внимания в исследованиях классической западноевропейской рациональной метафизики, поскольку ее идеи возникали как нравственная задача освобождения из-под влияния моральных идей христианской религии. Однако вместе с возникновением эмпирической школы мысли, утверждавшей наличие истинного мира только в чувственной достоверности реальности, активность высших слоев психики постепенно ослаблялась. Так, если она была активна в историческую эпоху Возрождения, то уже в эпоху Просвещения позиции *homo sapiens* оказались резко ослабленными требованием понимать разум исключительно в качестве противопоставления: чувства и рассудка. Поэтому критическая позиция мышления Канта, а за ним и всей классической немецкой философии, поставила себе задачей разграничение существования разума от низших познавательных способностей.

Когда мы размышляем над философским наследием Ницше, то должны понимать его в русле задачи классической немецкой философии – определить сущность исторического разума, отделив его познавательные возможности от двух низших познавательных способностей: рассудка и чувства. С точки зрения решения этой задачи, Ницше стре-

мился критически осмыслить как рациональные исторические идеи Гегеля, так идеи о метафизической сущности воли – у Шопенгауэра. В результате, учение о «воле к власти» объединило в себе как основу метода Гегеля – онтологические возможности рефлексии ничто в диалектике рационального мышления (европейский нигилизм), так и исследования Шопенгауэра в области происхождения метафизических импульсов воли (идея «воли к власти»). Таким образом, синтетические идеи Ницше в полной мере отобразили эти два пути поиска понимания разума как высшей познавательной способности, сведя их к центральной идее «вечного возвращения».

Самая простая формула расовой катастрофы – это катастрофическое исчезновение активности разумных людей в мировой цивилизации. С философской точки зрения, причины следует искать в постепенном удалении нравственного самосознания субъекта от непосредственного влияния высших ценностей. С другой стороны, в системе исторических ценностей, где школа рациональной метафизической мысли вообще отсутствовала, в силу отсутствия непосредственного присутствия высших ценностей как внутреннего основания национальной мысли, фантазии мифологического мышления – единственное, что пытается ответить на исторический вызов времени. Таким образом, разрушение всего многообразия мифологического мышления гумани-

тарной российской мысли, является, в частности, задачей нашей рационалистической позиции.

Принципиальным отличием системы высших ценностей от системы низших ценностей является то, что высшее начало бытия не сводится к традиционному противопоставлению бога и человека. Новое метафизическое начало, будучи растворено в потоке онтологического существа времени, образует некоторое поле, *ager* (лат.- поле), в котором научные подходы являются относительными, хотя, с точки зрения возникновения фрактала из эстетической реальности, характеризуют момент некоторой повторяемости, то есть систему знания. Подобная повторяемость, или структура подобия, выражает то, что Платон рассматривал в качестве демиурга бытия, то есть явления метафизического поля времени в присутствии его локальных «очагов» или топологических узлов, один из которых, в частности, определяет сферу человеческого и божественного. Понятно, что все конечные чувственные восприятия, а также представления, возникающие как рассудочные оценки этих восприятий, должны относиться к области физического мира, то есть к его процессам. Именно это внимание сознания к физическим явлениям и их границе, представлению о боге, было доведено классической западноевропейской метафизикой до максимальной противоположности, когда метафизика субъекта и объекта выражалась в последние века мировой истории в качестве высшей ценности процесса познания материального многообразия мира. Но структу-

ра идеи возникает в результате процесса воспоминания, то есть действует в особом, высшем, поле психической активности сознания. Поэтому многие мыслители ставили под сомнение вопрос о существовании метафизики у Платона, что субъект-объектная система мысли практически полностью замкнута в топологии разума как действия идеи в процессе воспоминания. Другими словами, логическая структура идеи у Платона дана на самом зачаточном уровне, ибо его мало интересовала «техника» логической мысли, но в большей степени – онтологическая природа времени, возникающая в результате действия воспоминания.

Чтобы понять подлинный смысл функционально-онтологической активности идеи у Платона, мы должны понять идею «вечного возвращения» у Ницше, поскольку она есть не что иное, как возвращение к метафизике Платона в процессе резкой критики всей школы платонизма, возникшей еще в древней западноевропейской схоластике с целью приспособления ее к христианской метафизике. В этом смысле, западноевропейская рациональная классическая философия никогда не выходила за пределы моральной субъект-объектной противоположности мышления: человек – бог. Однако моральная философия Ницше, которая является, как и у Платона, основанием онтологии бытия, субъективно реконструировала именно изначальную позицию двухтысячелетней традиции этой субъект-объектной метафизической школы в необходимости возвращения понимания метафизического к полю действия идеи как

свойства расовой памяти субъективности, открывающейся в духе трагического переживания. Другими словами, разум, как расовая память, выявляется в метафизике Ницше в качестве непосредственного воздействия агега воспоминания, где активны высшие, то есть разумные, достижения исторического прошлого. Отличие высших, или разумных ценностей, исторического прошлого – от низших ценностей, состоит в том, что они воспроизводят только эстетически полноценные воспоминания. И наоборот, как известно из психоаналитической школы Фрейда, низшие ценности, или ценности массового бессознательного, воспроизводят в памяти только антиэстетические воспоминания, где отчетливая активность влечения практически полностью исключает присутствие действия воли. Ведь воля является продуктом реальности, где в сознании отчетлива эстетическая картина мира, поскольку метафизика воли является полем активности фрактальной реальности бытия, преодолевающей подсознательный инстинкт смерти.

Если оценить главную причину, в силу которой в современной массовой цивилизации практически полностью исчезла активность разумного человека, то ее следует видеть в исчезновении отчетливой эстетической картины реальности. Метафизическая школа классического западноевропейского рационализма в наше время стала мифологией представлений о разуме, а не самим его подтверждением, поскольку уже не способна описать происхождение и действие метафизического импульса воли в мировой истории.

Реальность этого факта уже была сформулирована в метафизической формуле Ницше «бог умер». Таким образом, многообразие логических конструкций мышления, оставшихся от различных метафизических систем западноевропейской школы рационализма, необходимо рассматривать как «ветхий завет» понимания существа разума, а философию Ницше – как начало формирования его «нового завета».

В вопросе понимания существования расы *homo sapiens* мы стоим на фрактальной позиции понимания метафизической основы бытия. Суть этого понимания выражается в том, что метафизический импульс воли, как условие действия разума в человеческой душе, возникает вследствие отображения в сознании метафизики фрактального строения бытия. Объективным отображением фрактала моральной позиции субъекта является присутствие импульса воли как метафизической основы перспективы новой политической модели мировой цивилизации. С учетом того, что массовая цивилизация – это система многообразия ее иррациональных связей, то политические системы массовой цивилизации должны топологически «сжаться» так же, как «сжались», например, средневековые институты христианской церкви вследствие возникновения новой веры в человеческий разум. В действии разума участвует процесс воспоминания высших ценностей мировой истории, максимально активный, если активно волевое начало психики, и, наобо-

рот, максимально пассивный, если активны психические влечения. Главным фактором пассивности разума в случаи активности влечений является ограниченность мышления конечными представлениями рассудка, которые функционируют как граница между чувственными восприятиями и разумом. Чем слабее импульсы воли, тем деятельность рассудка более поверхностна, стремясь полностью избавиться от высшей активности психических процессов, а значит, от воздействия расового бессознательного. Однако на уровне высшей психики (расового бессознательного) невозможно уйти от той меры разума, которая определяет вклад человека в систему высших ценностей мировой цивилизации. Такова была судьба Л. Толстого, который незадолго до своей смерти отправился в монастырь, а также родоначальника учения психоанализа Фрейда, который написал перед смертью «Человек Моисей и монотеистическая религия».

Основной проблемой событий расовой катастрофы, которые периодически происходят в истории человечества, следует рассматривать катастрофическое массовое ослабление действия воли людей на фоне резкой активизации активности влечений. При этом конфликты религиозных фанатиков со старой моделью цивилизации, возникающие в момент исчезновения одной метафизической картины мира и возникновения новой, есть только поверхность айсберга реконструкции единого расового бессознательного

homo sapiens. Например, известные столкновения первых христиан с античным миром или христиан с миром исламских народов. Так, ранние религиозные ценности в момент своего появления, реализуя в себе массовое, а не расовое, существо человека, выражают потребность перестройки высшего аппарата психики в связи с резкой активизацией его бессознательного животного существа, которое стремится «освободиться» от метафизического импульса воли. Другими словами, расовая сущность homo sapiens появляется и исчезает вместе с активизацией высшей психики, поскольку импульсы воли и импульсы влечений имеют различную, симметрично противоположную, активность в глубинах бессознательных движений души. Различие между влечением и волей характеризуется различным действием памяти человека. В первом случае, человек осознает себя как коллективное существо своей исторической эпохи, во втором случае, как нравственное откровение опыта тысячелетий мировой истории. Именно эта нравственная новизна опыта исторических тысячелетий и является направлением развития процессов мировой истории.

Утверждая, что современная массовая цивилизация практически полностью замкнулась для участия в своих процессах разумных людей, мы полагаем, что современная наука более не имеет в своем основании какой-то метафизической основы, а значит, выражает ограниченность двумя низшими познавательными способностями человека: рассудком и чувством. Вследствие исчезновения метафизиче-

ской основы, которая выражает определенное историческое содержание разумного существования человека, все современные процессы массовой цивилизации допускают внутри своих связей активность только человеческих влечений, но не воли, поскольку воля является определенной метафизикой, поддерживающей существование политических структур цивилизации. Иррационализм процессов массовой цивилизации функционирует таким образом, что вся политическая жизнь народов балансирует на максимуме охлократических социальных систем, которые являются следствием отсутствия импульса исторической воли в современной жизни массового общества. Даже характер военных конфликтов в XXI веке потерял какое-то элементарное разумное волевое начало, превратившись не в столкновение мужества духа исторических сил мировой истории, а в интриги подкупа продажных политиков и механическое нажатие кнопок ракет, где компьютерное моделирование выражает не разум войны, а механическое движение мыслей поверхностного интеллекта.

Когда мы рассматриваем принципиальное отличие между действием воли и действием влечения, то полагаем, что, в первом случае, в психике активны высшие психические процессы, отображающие расовую память человека, а во втором случае, низшие психические импульсы, отображающие животные начала души. Причем, механизм вытеснения подсознательных животных влечений, формирующих социальное мышление человека, всегда ограничивается

сферой поверхностного интеллекта, то есть не имеет никакого отношения к активности в его душе разума. Таким образом, социальные массовые институты – это регуляторы животных движений человеческой психики, а также представлений низших ценностей поверхностного рассудка. Главное свойство социальных представлений состоит в том, что они способны возникать в любой по уровню рационального развития среде, в том числе, в среде полудиких племен, только несколько десятилетий имеющих какой-то контакт с мировой цивилизацией. Технологическая цивилизация легко проникает в эти дикие племена, насаждая в них BLITEUM своих технических достижений, но не развивает опыт разумного существования в среде этих людей. Ведь опыт разумного существования – это авангард, а не арьергард, рациональных граней онтологического процесса исторического времени, тогда как современные научно-технические достижения человека уже только косвенно относятся к разумному пониманию бытия.

Если реконструировать события мировой истории, происходившие в России в XX веке, то нашествие большевистской орды и разрушение патриархальных основ жизни практически всех народов, населяющих Россию, мы рассматриваем как «жесткую» расовую катастрофу. Так, в отличие от процессов мировой истории, происходивших в Западной Европе, где расовая катастрофа имела «мягкий» характер, когда почти неприметно разумные люди исчезали из политики и науки, в России нашествие низших инстинктов

неразумной породы людей взывало к «коллективному разуму» марксизма. Понятно, что идеология «коллективного разума» марксизма – это одна из систем представлений мирового сектантства, которое возникает, когда одна рациональная модель мировой цивилизации сворачивается, а новая еще не начала действовать. Главная причина возникновения этих мировых сект, – естественная фальсификация понимания разумного начала души, поскольку инерция представлений поверхностного рассудка начинает присваивать себе сущность разума. Этот процесс исчезновения иерархического различия между разумом и рассудком возникает вследствие исчезновения метафизического основания разума в сознании людей. Однако исчезновение метафизического основания разума может вести к двум полярно-противоположным позициям сознания, где одна фальсифицирует разум, отождествляя его с поверхностным интеллектом, а вторая, отрицая его известные основания, указывает на новое понимание. Понятно, что речь идет о социально-экономическом учении Маркса, с одной стороны, и философии Ницше, с другой.

Если задаться вопросом: почему философия Ницше получила определение в современной псевдофилософии «иррационализм», тогда как учение Маркса стало называться «философским учением», то необходимо понимать, что различие между рассудком и разумом всегда проходит через границу отсутствия или наличия определенной метафизической реальности. Человеческий рассудок, опериру-

ющий конечными представлениями, всегда стремится оставаться в пределах известного, поскольку абстрагируется от непосредственной чувственной ассоциации на основании известного коллективного знания. Но разум, имея в своем основании принципиально иную психическую составляющую, чем рассудок, абстрагируется от конечных суждений самого рассудка, поскольку непосредственные суждения рассудка остаются во власти низшей психики, или просто человеческих влечений. Принципиальным отличием между психическим импульсом влечения и психическим импульсом воли является то, что влечение всегда имеет конечное направление в пространстве, тогда как воля, не имея этого конечного направления, обладает только топологией присутствия пространственной перспективы, указывающей на высшие ценности мировой истории. Эта пространственная перспектива топологически стягивается в определенный метафизический фрактал субъективного созерцания фокуса данного исторического момента времени.

Давая метафизическое определение различия между рассудком и разумом, мы, в первую очередь, утверждаем два диаметрально противоположных поля психических процессов, один из которых выражает высшие, а другой – низшие импульсы. Именно поэтому, например, в классических образах мирового искусства и архитектуры логика разума имеет исключительно художественный принцип, практически лишенный какого-то самостоятельного рассудочного содержания. Все дело в том, что и рассудок, и раз-

ум, и непосредственное чувственное восприятие выражаются топологической границей своих различий, то есть способны, как концентрироваться в какой-то доминирующей позиции сознания, так и почти растворяться в пограничных областях познания. Поэтому разум в великих произведениях искусства, где концентрируются высшие ценности определенного исторического пути развития мировой цивилизации, «сжимает» сферу двух низших познавательных способностей: рассудок и чувство – в бесконечно малые грани их существования. Подобные грани низших познавательных способностей фрактально рассеиваются субъективным созерцанием в качестве малосущественного присутствия «отблеска» небытия. Аналогом такого мышления, но в точности до наоборот, то есть практически исключаящего разум как реальность, является современное массовое представление о низших ценностях, где фальсификация разума достигает своего апогея в силу отождествления его с биологическими функциями человеческих инстинктов. Таким образом, расовая катастрофа – это время забвения разума, а значит, Темные Века мировой истории.

Наша рациональная позиция состоит в том, что мы не можем стремиться в своих познавательных способностях к тому, к чему стремилась классическая западноевропейская метафизика, а именно, к «чистой» мысли, то есть к мысли, «очищенной» от чувственных ассоциаций в традиционном противопоставлении: божественное – человеческое. Такого рода подход в познании разума возник в силу ложных

представлений о простом существовании психической основы человеческой души, в которой материальные феномены относились к области непосредственных чувственных ассоциаций, а духовные – к области божественной, в которой действовал разум. Но после известной формулы Ницше «бог умер», которая проистекает из радикального изменения созерцания метафизического начала бытия, понятие «бога» более не может полагаться опорой разума. Заметим, что философия Ницше, в отличие от марксизма, не утверждала, что «бога нет», то есть не реализовывала позиции материалистического мышления, а лишь указала, что духовная субъективность метафизического импульса воли должна иметь иную разумную объективность в понимании метафизической меры. Если учесть, что наиболее значительные усилия в области восстановления позиций метафизической мысли в XX веке были реализованы у Гуссерля и Хайдеггера, а они работали с различными средствами, направленными на познание онтологической сущности времени, то необходимо полагать, что этой областью непредставляемого метафизического существа бытия является именно время. С другой стороны, то есть с точки зрения развития истории метафизики, основная работа Хайдеггера «Бытие и время» ставит перед собой задачу – найти объективность фундаментальной онтологии бытия. И если за BLITEUM небытия у Ницше (нигилизмом) скрывается вполне рационалистическая позиция «воли к власти», то есть достаточно отчетливое противопоставление метафизики воли и животного

влечения души, то у Хайдеггера разумная субъективность исчезает как присутствие событий мировой истории.

Новизной нашего понимания существа объективности исторического разума, отличающего его от предшествующей метафизической школы западноевропейской мысли, является осознание возникновения разума из области высшей психики человека, которую мы определяем как сферу расового бессознательного *homo sapiens*. Отличительной особенностью существования расового бессознательного *homo sapiens* является специфика активности индивидуального подсознательного инстинкта смерти человека. Этот инстинкт является не влечением, а производителем метафизических импульсов воли, в которых формируется та или иная топология объективного существования разума. При этом, достигая понимания в области конечных представлений рассудка, топология известного исторического разума сворачивается под воздействием новой перспективы субъективного основания метафизического импульса воли, требующего утверждения субъекта в изменении фрактального поля онтологии бытия во времени. Метафизические фракталы – это активные грани мирового разума онтологического потока бытия, которые передают по группе определенных тензоров взаимосвязи: сознания и подсознания реальную картину разумной объективности бытия. Подобные тензоры – это структуры заполнения сознания расовой памятью настолько, насколько метафизический импульс воли обладает интенсивностью присутствия в онтологическом потоке времени.

Таким образом, когда поверхностный рассудок, потерявший взаимосвязь с разумом, искал в XX веке «основной» инстинкт человека, то назвал этим инстинктом то, что является, наоборот, наиболее животным инстинктом в различных процессах человеческой психики, определяя его как сексуальное влечение. Причины этой абсурдности понимания основ человеческой психики, или, фактически, иррационализма представлений по отношению к разуму, аналогичны позициям представлений современной эволюционной теории происхождения *homo sapiens*. Это доказывает, что отсутствие какого-то метафизического основания знания неминуемо приводит к «свертыванию» топологии полноценного рационального познания мира. Подобное «свертывание» показывает, что более не существует критического отношения разума к объекту познания в старой школе метафизической мысли. В действительности же, высшим человеческим инстинктом является инстинкт смерти, который утверждает, что в глубинах животного человеческого существа присутствует нечто, что отрицает это существо на метафизическом уровне последовательного усилия воли человека. Так, по существу, активность подсознательного инстинкта смерти напоминает субъекту через тензоры расовой памяти, чем он существует как разум не по отношению к массовым представлениям низших ценностей окружающей его социальной среды, а по отношению к высшим ценностям мировой истории.

Когда мы рассуждаем о расовой сущности мышления *homo sapiens*, то полагаем, что речь идет о способности памяти человека воспроизводить весь рациональный опыт мировой истории в непосредственном импульсе воли. Непосредственность импульса воли фрактализируется как онтологический акт метафизики бытия, в котором присутствует отображение предшествующего опыта разума через психологический срез максимального трагического состояния души. Подобный разрыв отбрасывает, или субъективизирует, сознание в высшие процессы психики, освобождая от влияния животных влечений. Ведь только в освобождении от своего животного существа сознание человека способно обладать определенным рациональным пониманием действительности. В дальнейший момент, то есть в момент погружения в сферу пространства глубинного трагического переживания и его преодолением в метафизическом импульсе воли, фрактальная реальность бытия отображается в сознании как воспроизведение бесконечного повтора человеческих жизней, которую в очередной раз проживает индивидуальное человеческое существо. Именно здесь осознается метафизическая сущность времени, которая не может быть обожествлена, поскольку, во-первых, не имеет какого-то персонифицированного начала, а во-вторых, не связывается с какими-то известными силами природы. Таким образом, онтология метафизики времени взаимосвязана с высшими слоями человеческой психики через по-

стоянное переживание трагического созерцания, которое настолько мало присутствует своим энергетическим потенциалом в животных влечениях, что практически незаметно в их монотонном течении. Однако онтология времени протекает именно в этих мало приметных для чувственного восприятия и рассудочного представления высших психических процессах, активизируясь только тогда, когда фрактальный поток расовой памяти вклинивается в животное существо человека, подчиняя его своему ритму.

Анализируя высшие процессы психики, можно заметить, что основная особенность их течения состоит в том, что они конструируются в сознании только как эстетические феномены. Эстетика созерцание отображает процессы высшей психики, поскольку только эстетический феномен не разрушается в потоке энергии инстинкта смерти. С другой стороны, именно эстетические феномены поставляют непосредственный материал для рациональной субъективной мысли, когда конструируются в метафизические фракталы знания. Переход конструкций эстетических феноменов в сферу математических фракталов характеризует момент исчезновения метафизики фракталов как непосредственного течения онтологии времени и возникновения «обочины» мировой истории, в которой человеческое существо, обусловленное активностью животных влечений, «сваливается» вследствие процесса расовой катастрофы. Так произошел исторический перелом от эпохи Возрождения к эпохе Просвещения, хотя этот перелом происходил не раз, как это

показал Шпенглер в истории мировой цивилизации. Фактически, мировая цивилизация периодически оказывается на «обочине» мировой истории, хотя поверхностный рассудок и пытается рассуждать о ее «конце». В действительности же, «конец» определенной рациональной модели развития мировой цивилизации предполагает, что известные рассудочные конструкции «свернулись» в топологической основе времени, не имеющей в своем основании метафизической сущности разума, то есть разрушились определенные поверхностные интеллектуальные представления. Разрушение рассудочных представлений происходит в силу скрытых процессов бессознательного, которые топологически деформируют то высшие, то низшие слои психики, через которые производятся импульсы воли и импульсы влечений. Изменения представлений о физическом мире в истории являются следствием метафизической деформации топологической сущности разума в метафизике времени, когда в процессе этой деформации истинным становится то, что еще некоторое время назад часто определялось как «ложное» в системе привычных представлений рассудка.

Деформации поля субъективного подсознания взаимосвязаны с процессом постоянного взаимодействия высшей психики субъекта с метафизическими импульсами воли, которые суть рациональные сечения непрерывности действия течения потока метафизических фракталов рациональных граней бытия в сознании. Отличие подсознательных импульсов воли от бессознательных влечений состоит в том,

что метафизика импульсов воли не имеет направления в конечных рассудочных представлениях. На этот момент обратил внимание еще Гегель, когда строил основание своего диалектического принципа рационального мышления на процессе опосредствования рассудочной мысли в рефлексии полагаемого ничто бытия. Здесь необходимо понимать, что метафизика импульса воли синтезируется из двух блоков реальности: это BLITEUM небытия, возникающий в результате деструкции положения метафизического ничто, и конструктивный принцип топологической модели бытия, которая является рациональной структурой объекта. Таким образом, импульс воли, в отличие от импульса влечения «втягивается» не в направлении «линии» психической ассоциации, с которой взаимосвязан рассудок как противоположность чувственного восприятия, а в границу сферы, которая «замечает» представление рассудка метафизикой онтологии следующего момента времени. Психической особенностью онтологии времени в качестве потока темпоральной длительности является присутствие в нем ритма течения образов расовой памяти, вне которых субъективность не обладает рациональным содержанием.

Главным признаком высшей психики, определяющей активность расового бессознательного homo sapiens, является действие в подсознании инстинкта смерти, который аккумулирует метафизические импульсы воли. Подчер-

кнем, что воля, в отличие от влечения, не имеет отчетливости линейного направления действия психических усилий человека, а потому действия разумной воли в человеческой жизни встречаются не так часто, хотя именно они и определяют процесс мировой истории. Поэтому когда говорится, что человек «обладает волей», то предполагается, что он выражает определенную позицию разума в данный момент времени. Другими словами, разум необходимо утверждается как действие воли, ибо, в противном случае, как, например, это имеет место в эволюционной теории о происхождении расы *homo sapiens*, речь идет о мифологии разума. При этом можно наблюдать, как в сфере представлений, где еще некоторое время назад присутствовало нечто разумное, разум исчезает с течением определенного исторического времени, растворяясь в мифологическом мышлении. В определенном смысле, можно полагать, что топология исторического «места» существования разума неизбежно девальвируется с точки зрения активной власти высших ценностей, поскольку «обживание» этого места предполагает, что оно становится массово доступным и для неразумного человека. В результате, «обжитое» место разума заполняется потоком массового бессознательного, которое «смешивает» достижения разума с животными влечениями на уровне обыденных представлений. Так, собственно, был «погребен» в небытие последний рациональный проект мировой цивилизации, связанный с обоснованием разума в научном знании. Однако это топологическое «погребение»

все-таки показывает, что утрата разумного образа жизни человека в многообразии технологических процессов массовой цивилизации, сохраняет необходимость дальнейшего развития мировой истории в ее разумном направлении. Аналогичным институтом «сохранения» веры в христианской цивилизации была система функционирования церкви, которая подпитывал веру тогда, когда она ослабевала в индивидуальной душе верующего.

Когда мы ставим себе задачу ответить на вопрос: почему исчезла активность разумных людей в современной цивилизации, то понимаем, что причины следует искать в исчезновении каких-то коммуникаций между разумными людьми. Так, активность разума предполагает, что рациональные коммуникации указывают на мировой проект развития цивилизации, по крайней мере, на ближайшее одно-два столетие. И если до недавнего времени основой развития этого рационального проекта полагалась научная среда людей, в которой существовала вера в научно-технический прогресс, то в наше историческое время стало понятно, что современная наука опирается на мифологию чувственных восприятий и поверхностного рассудочного конструирования реальности. Одним из основных доказательств мифологичности современных научных представлений является официально принятая современной наукой теория о происхождении расы *homo sapiens*. Очевидно, что эта теория

полностью исключает разум как метафизическую реальность мировой истории, хотя именно в метафизической реальности только и может существовать исторический разум. С другой стороны, процесс мифологизации коммуникационной основы разума в процессе реализации представлений о его сущности неизбежен, поскольку две низшие познавательные функции: чувство и рассудок необходимо следуют за достижениями разума, «обживая» его достижения в области формирования обыденных представлений. Таким образом, мифологическое мышление истории – это деконструкции известных достижений разума, которые рассеиваются в обыденных представлениях поверхностного рассудка в качестве присутствия его непосредственной чувственной достоверности. Именно такой примитивной чувственной достоверностью существования разума и является эволюционная теория происхождения разумного человека, в которой метафизическое происхождение сущности разума исключается в силу трансформации старой метафизической школы классической западноевропейской философии в мифологию представлений о мире и человеке.

Утверждая два различных поля подсознательной человеческой психики: низшей и высшей, мы полагаем, что первое поле всегда «спасает», сохраняет, обеспечивает безопасность, то есть взаимосвязано с матриархальными инстинктами души, тогда как второе, наоборот, разрушает устаревшее, толкает в сферу опасности, расширяет поле существования известного. Другими словами, в понятие

«патриархальное» и «матриархальное» мы вкладываем не примитивные мифологические представления социального мышления о развитии истории человечества на его раннем этапе существования, а заложенное в глубинах бессознательной человеческой психики быть как животным, так и разумным существом. Ведь мифологизм современных социальных представлений о процессах мировой истории вытекает из ее концепции линейного процесса развития, а потому необходимо должен предполагать, что только в очень отдаленное историческое время существовали примитивные психические реакции подсознания человека, обусловленные несоциальной организацией. Мы же полагаем, что социальное – это как раз то, что обслуживает эти примитивные психические реакции, поскольку является реализацией двух низших способностей познания: рассудка и чувства, которые, следуя за разумом в познании бытия, «обживают» то, что еще некоторое время назад было опасным из-за новизны проживания метафизического импульса воли. Значит, метафизика расовой памяти homo sapiens состоит в том, чтобы, постоянно возвращая самосознание субъекта к высшим историческим ценностям прошлого, объективизировать новый исторический горизонт мирового разума как течения онтологического потока времени.

Если указать на основной признак существования расы homo sapiens в мировой истории, то он выражается в метафизике действия воли, которая реализует рациональные грани онтологического потока времени. Понятно, что

по отношению к абсолютно иррациональной основе бытия – времени, речь может идти только о рациональных гранях, или рациональных «сечениях», бытия, поскольку сознание индивидуальной точки «я» субъекта в онтологическом потоке времени ускользает в бесконечность проявлений в историческом прошлом. Эти проявления протекают в расовой памяти субъекта как воздействие эстетических феноменов сознания, в которых реализуется действие метафизических фракталов бытия. Размышления о существовании единства мирового разума, характеризующего взаимосвязь всего человечества как феномена *homo sapiens*, приводят к мысли о свойствах расовой памяти субъекта возвращаться к достижениям метафизических фракталов бытия, то есть воспринимать бытие как онтологический поток времени, в котором индивидуальная воля человека присутствует своей метафизической сущностью. Подобное присутствие определяет единство людей по отношению к разуму, когда этот разум активен. В противном случае, то есть в случае пассивной деятельности разума, активность коммуникаций социума формируется иррациональной системой представлений, где господствует поверхностный рассудок, фальсифицирующий сущность исторического разума.

В нашем понимании, вопрос о происхождении разума не может быть решен с точки зрения методов познания эмпирического мышления, поскольку эмпирическое мышление – по отношению к метафизической сущности разума – это современная мифология поверхностного рассудка, который

исключил разум как метафизику реальности. Политическим следствием этого исключения метафизической реальности разума стали господствующие позиции либерально-демократических ценностей современной политической модели западноевропейской цивилизации. Понятно, что эта система, существующая за пределами объективного исторического разума, способна действовать только на основании двух низших познавательных принципов познания: рассудка и чувственного восприятия. С другой стороны, необходимо понимать, что народы, оказавшиеся за пределами возможностей материальных благ потребления западноевропейской цивилизации, обречены существовать в варварском состоянии, поскольку подчиняются этим двум низшим познавательным способностям в силу крайне слабого в них национального самосознания. Национальное самосознание же всегда является свойством расовой памяти субъекта, то есть является продуктом патриархальной психологии, в которой импульсы воли отображают присутствие метафизической меры бытия как реализации активности разумных начал души.

Когда мы рассуждаем о расовом существе *homo sapiens*, то полагаем, что биологическое существо является топологическим «остатком», BLITEUM процесса воспоминания расовой памяти. Другими словами, поле пространства рациональной активности мировой цивилизации пронизано

нравственным опытом предшествующих расовых полей исчезнувших рациональных коммуникаций *homo sapiens*, поскольку этот опыт запечатлен в архитектурных памятниках, музыке и различных классических произведениях искусства. В этом смысле, мировая цивилизация является результатом не линейного развития научно-технического прогресса, а следствием процесса постоянного возвращения к нравственному опыту высших ценностей. Научно-технический прогресс лишь конструирует меру исчезновения эстетической полноценности бытия. Ведь фундаментальная наука всегда опирается в своем основании на метафизическое знание, ибо, в противном случае, в науке происходит разрыв с разумной полнотой природы, поскольку именно метафизическая полнота, или целостность научного знания, только и может быть основанием фундаментальной науки. Собственно, принципиальное различие между фундаментальной наукой и развитием научных технологий состоит в том, что фундаментальная наука является одним из проявлений разума в развитии мировой цивилизации, а научные технологии – лишь достижениями абстрактного рассудка.

Классический иерархический принцип метафизического познания мы рассматриваем в качестве меры интенсивности действия расовой памяти человека. Так, если память имеет минимальную активность, то и содержание субъективного мышления обладаем минимальным рациональным содержанием. Это содержание практически полностью взаимосвязано с низшей сферой человеческих инстинктов, ко-

торой занимался психоанализ. Особенностью этого низшего познавательного принципа является концентрация действия памяти на свойствах рассудка и непосредственного чувственного восприятия исключительно. Подобного рода концентрация может осуществляться только при условии подавления высших центров психики, которое и осуществляется массовыми социальными институтами. Поэтому массовая цивилизация, в ее современном виде существования социально-политических структур, является жестким механизмом по подавлению разума в человеческой душе. Собственно, и душа, как явление метафизическое, упразднена в социально-политической реальности, где доминируют исключительно низшие познавательные способности познания. В этом смысле, психоаналитическая теория «докопалась» до глубин низшей психики человека, указав на сексуальное влечение как базовую основу матриархальной психологии. Поэтому искать какого-то разума в сфере массового бессознательного не имеет смысла. Необходимо, наоборот, исключить эту сферу психической активности подсознания, поскольку в реакциях массового бессознательного человек – это животное, которое контролируется инстинктом самосохранения как областью активности биологического мира. Но биология человека – это только низшая часть сферы реальности, которая функционирует на уровне памяти краткосрочного действия памяти, измеряемой, как правило, временной длительностью от одного мгновения до нескольких десятков лет. Поэтому психоана-

литическая теория и сформулировала свойства подобной памяти в качестве понятия «инфантилизма», поскольку детское сознание, как сознание животного, не обладает иной, кроме как животной реакцией на жизнь. Метафизическая реальность не предусмотрена в сфере активности массового бессознательного, поскольку эта область подсознания полностью определена неразумными импульсами. Вообще, чем дальше распространяется действие человеческой памяти в историческое прошлое, тем меньше в нем непосредственно «человеческого», поскольку конечные представления о человеке всегда ограничиваются сферой конечных представлений рассудка. Понятно, что чем ближе к настоящему времени подсознательные реакции человека, обусловленные его активным животным существом, тем энергичней в нем динамика влечений, которая формирует социальную реальность. Однако разум «вспоминает» о настоящем только тогда, когда метафизика воли ослабевает. А ослабевает метафизика воли, когда дух человека вовлекается в область матриархального начала жизни, то есть жизни, где животное существо и поверхностный интеллект становятся доминирующими, погружая разум в забвение. Понятно, что в эпохи господства высших ценностей в метафизической воле людей взаимосвязь с настоящим очень слаба, поскольку настоящее время заматывается в высшем начале психики пренебрежением к низшей области реальности. Но это пренебрежение – не высокомерие человеческого рассудка, а необходимость присутствия метафизической меры ценностей здесь и теперь.

Рассуждая о метафизике фракталов бытия, которые развертывают разумную реальность в момент воздействия расовой памяти на сознание человека, необходимо рассуждать об эстетической реальности преимущественно. Ведь эстетическая реальность – это основа любой метафизики, поскольку метафизики не существует вне эстетической реальности, ибо эстетическая реальность – это вследствие возвышения души в момент соприкосновения с высшим началом бытия. Если же метафизическое начало бытия отсутствует, то и разум в человеческой душе не существует.

Одной из явных фальсификаций исторического разума является понимание исторических процессов в идеях коммунизма, поскольку для нас, очевидно, что низшие ценности, культивируемые в этой теории, признают только один тип реальности: поверхностного рассудка и непосредственного чувственного восприятия. «Разум» в этой теории отождествляется с процессом периодического возбуждения человеческих влечений в механическом усилии взаимодействия с орудиями труда, когда обновление технологических средств труда заставляет эти влечения перестраиваться на более интенсивный производственный ритм. «Разумного» в этом процессе мы ничего не находим, поскольку какого-то возвышенного состояния души в процессе механического труда не обнаруживается, а обнаруживается только инстинкт животного выживания, характеризующий примитивное строение человеческой души. Пример фальсификации

разума в идеях коммунизма рассмотрен нами в силу того, что, в частности, этими методами фальсификации пользуется и вся идеология обоснования существования «разума» в позитивизме, где ограниченность рассудочных научных представлений признается единственно существующей в силу взаимно-однозначного отображения монотонных процессов природы в животные влечения человеческой души. Собственно, механическое представление о мире возникло в качестве наблюдения сознания над движением влечений в большей степени, чем за наблюдениями над импульсами воли, поскольку воля – это экстремальное состояние человеческой психики, а влечение – состояние, которое характеризуется монотонностью психического течения ассоциаций во времени. Ведь даже то, что определяет нечто «экстремальное» в психической активности влечений, выражает только животное человеческое возбуждение, а не движение воли. Таково, в частности, и животное возбуждение человеческих масс в процессе революции, когда инстинкты неразумной толпы активизируются до агрессивности присутствия в цивилизации человеческой орды, которая стремится разрушать всякую патриархальную норму жизни из-за стремления возврата к массовым матриархальным инстинктам.

Наше понимание патриархальной психологии человека как условия существования рациональной психологии вытекает из причастности высшей психики человека разумному началу бытия. Так, возвышенное состояние души мо-

жет существовать только тогда, когда сознание имеет дело с метафизическим началом бытия, поскольку, в противном случае, низшие ценности – это единственное, что заполняет сознание в качестве информации, которая фильтрует сознание от присутствия в нем высших ценностей. Ведь низшие ценности – суть конструкции интеллекта, которые формируются влечениями, тогда как высшие ценности – суть структуры рационального мышления, которые отображают метафизические импульсы воли. Топология рациональных структур мышления всегда определяется присутствием момента времени, в котором расовая память человека отображает взаимосвязь его разума с присутствием меры высших ценностей здесь и теперь. Особенность присутствия высшей ценности здесь и теперь характеризует невозможность рассудка измерить метафизическое в силу ограниченности познавательных возможностей рассудка, поскольку любое чисто рассудочное суждение выражает только конечные человеческие представления, тогда как разум является выражением метафизической реальности. Рассудок стремится всегда концентрировать понимание на том, что локализует метафизическую реальность до конкретности чувственной достоверности мира. Причем, чем конкретней позиция рассудка, тем чувственная достоверность активней участвует в непосредственной жизни человека. При этом расовая память – это то, с чем рассудок ведет непрерывную «войну» в том смысле, что стремится минимизировать сверхчувственный элемент разумной мысли, который необходимо при-

существует в любой метафизической конструкции мышления. Однако следует заметить, что этот момент во многом определяет и попытку сопротивления влечений человека его волевому импульсу, поскольку воля действует в соответствии с топологическим содержанием разума, который существует как психическое усилие по удержанию взаимосвязи сознания с непосредственным действием расовой субъективной памяти. Таким образом, рассудок, фактически, стремится минимизировать воздействие расовой памяти субъекта на его непосредственную активность психики, то есть устранить метафизическое воздействие расовой памяти по производству импульсов воли, тем самым оставляя для обоснования реальности только непосредственную чувственную реальность и сферу конечных представлений.

Когда мы утверждаем, что феномен существования расовой памяти *homo sapiens* – это сфера метафизической реальности, то имеем в виду, что свойства рационального мышления неотделимы от воздействия расовой субъективной памяти. Эта память отображает активность высшей психики субъекта, которая является подтверждением того, что мотивами человека движет не животное существо инстинкта самосохранения, а нравственная потребность в существовании высших ценностей. То, что высшая психика проистекает из подсознательного инстинкта смерти, указывает на нелинейные процессы ее активности, поскольку, в противном случае, то есть в предположении, что инстинкт смерти – это влечение, человеческая жизнь теряет всякий

разумный смысл. В действительности же, топология высшей психики активизирует действие рациональной психологии человека как присутствие высшей меры, или высшей ценности бытия. Понятно, что подобная высшая ценность должна превышать известные меры конечных представлений человеческого рассудка, поскольку рассудок оперирует только абстрагированием от чувственной непосредственности реальности. Аргумент того, что животное не способно мыслить абстрактно, оказывается неубедительным в момент активных процессов расовой катастрофы, то есть в момент стремительного обрушения метафизических начал мышления, распадом которого и живет поверхностный рассудок. Ведь возвращение человека к животному состоянию души растягивается на десятилетия и даже века. Сначала умирает великое искусство, потом мировая политика теряет всякое разумное содержание, вырождаясь в потакание низшим инстинктам неразумных масс, и, наконец, начинает исчезать фундаментальная наука, то есть наука, построенная на разумных основаниях мышления. Эта схема расовой катастрофы, описанная Шпенглером в его концепции мировой истории, когда мертвые политические структуры мировой цивилизации начинают воспроизводить не разумный образ жизни человека, а иррациональные инстинкты неразумных человеческих масс, и является феноменом расовой катастрофы. Технологии же в мировой истории всегда только развиваются, поскольку линейность развития технологического процесса мировой цивилизации обусловлена спо-

способностью поверхностного рассудка быть активным даже в Темные Века мировой истории, ибо для внутреннего развития двух низших познавательных способностей познания: рассудка и чувства не существует возможности обладания критическими способностями разума.

Рассуждая о существовании метафизических фракталов бытия, мы утверждаем, что постоянное воспроизведение, как отдельной человеческой жизни, так и всего многообразия процессов мировой цивилизации, имеет принцип, с одной стороны, метафизического подобия исторических явлений и процессов во времени, а с другой стороны, возникновения этого принципа подобия различных моделей мировой цивилизации из глубин человеческой памяти. Причем, если речь идет о локальной мере временной длительности, например, измеряемой отдельной человеческой жизнью, то эти свойства памяти характеризуются влечениями. Если же речь идет о движениях импульсов, проистекающих из глубин высшей психики, связанных с подсознательным инстинктом смерти, то они определяют метафизику действия воли в мировой истории. Вообще, существование метафизики объективного мира необходимо указывает на эстетическую реальность, в которой происходит отделение бессознательных движений психических влечений от метафизики действия воли. Под эстетикой метафизики бытия мы понимаем сознание, которое определено в поле дей-

ствия расовой памяти тензоров фракталов высших ценностей мировой истории. Другими словами, разум в мировой цивилизации существует ровно настолько, насколько в нем выражена истина высших ценностей прошлого.

Разумный опыт существования расовой реальности *homo sapiens* определяется мерой активности высших ценностей в непосредственном образе жизни человека. Так, взаимодействие с высшим началом бытия – это взаимодействие с максимально иррациональным началом души, которое производит прикосновение к разумной реальности через поле высшей психической активности души. В современной исторической реальности этой максимально иррациональной основой души, субъективно, является активность подсознательного инстинкта смерти, а объективно – сознание течения исторического времени, в котором разум является мерой напряжения действия воли. Суть этой метафизической реальности – соучастие воли человека в этом неуничтожимом начале. А поскольку подобное соучастие требует максимального сосредоточения сознания субъекта на объективности разумного строения мира, то современная, практически полностью иррациональная политическая система массовой цивилизации направлена на то, чтобы подавить разум. Это подавление обусловлено не действием каких-то принципиально враждебных человеческому разуму сил, а лишь инерцией распада старой метафизической картины мира, в основе которой была вера в научно-технический прогресс. Вообще, любая метафизическая картина

бытия в своем развитии в истории философии проходит основные этапы: начальный этап, становления и утверждения и, наконец, топологической деформации и исчезновения. Причем, следует понимать, что эти этапы не являются линейными, а развиваются в топологической системе постоянной деформации конечных представлений рассудка, то есть радикального возврата и, наоборот, резкого продвижения вперед в понимании мира. Такого рода топологическая нелинейность развития разума проистекает из-за ограниченных ресурсов высшей психической активности человека, когда методическая эксплуатация ресурсов высшей психики неминуемо приводит к ее исчерпанию. Поэтому в судьбе мировой цивилизации одни народы сменяют другие, поскольку их высшие психические ресурсы, обусловленные расовым бессознательным, исчерпываются. Однако реализованная высшая психическая энергия не исчезает из поля мировой цивилизации, в отличие от низшей психической энергии, создавая агер расовой памяти. Причем, агер расовой памяти имеет определенный эпицентр территории в мировой цивилизации, который сосредотачивает в себе максимальные ресурсы активности метафизики действия воли. Здесь протекают мировые войны, происходят мировые научные открытия и создаются великие произведения искусства.

Вообще, мы должны понимать, что в отличие от природного человеческого существа, разумные процессы в мировой цивилизации продуктивны только тогда, когда в

ней достаточно активны высшие ресурсы психики, то есть действие метафизики воли. В противном случае, то есть в случае, когда метафизика воли в процессах мировой цивилизации ослабевает, низшие ценности оккупируют человеческую жизнь, постепенно ликвидируя все рациональные коммуникации. Причем, процесс ликвидации рациональных коммуникаций происходит путем фальсификации разума в системе конечных представлений рассудка, которые «обживают» новое метафизическое пространство, куда разум проник ценой значительных человеческих жертв и присутствия постоянной опасности, поскольку проистекает из импульсов, кардинально противоположных животному инстинкту самосохранения. Вследствие «обживания» нового метафизического пространства, которое происходит в качестве «привыкания» к последним граням рационального понимания бытия, эти грани становятся сознанием повседневности, теряя изначальный метафизический смысл. Такова, например, судьба идеи Ницше о существовании «высших ценностей», когда использование этой субъективной конструкции философской мысли в массовой культуре стало таким же бессмысленным и тупым, как и всякое упоминание о «разуме». А ведь в философии Ницше идея существования высших ценностей указывает на обновленный смысл исторического разума, который требует выводить его сущность из того, что кардинально враждебно массовым инстинктам в их ориентации на животный инстинкт самосохранения. Однако и идея единого бога на заре становле-

ния христианской цивилизации, первоначально, выражала нечто абсолютно иррациональное для политеистической цивилизации, существовавшей уже несколько тысячелетий. Так происходит метафизическое обновление расового сознания homo sapiens, которое протекает в онтологическом потоке времени.

Действие расовой памяти являются движением сознания в потоке образов воспоминания, которые напоминают нам на психологическом уровне воздействие классической музыки на настроение человека. Почему мы сравниваем действие расовой памяти именно с классической музыкой, можно понять, если критически оценить воздействие массовой музыки на подсознание. Если классическая музыка возбуждает в психике активность ее высшей деятельности, связанной с метафизическим импульсом воли, то массовая музыка, наоборот, деятельность животных влечений. Необходимо понимать, что сознание является лишь топологической «точкой» психологического равновесия, в котором рациональное мышление указывает на возможность достижения определенных граней метафизических фракталов бытия. Конструктивный элемент метафизического фрактала – тензор взаимосвязи высшей психики и сознания, передающий в поле психического напряжения движение импульсов онтологического потока времени. Время, следовательно, объективно онтологически, является мерой воздействия

высшей психики субъекта на подсознательные процессы психики, в которых формируется метафизический импульс воли. Метафизика воли создает конструктивные элементы бытия, которые возникают как активность тензоров структурных фракталов подобия онтологического потока времени самому себе. В этом подобии метафизика воли отображает в своей активности онтологический поток времени, а потому не может отображать действия природных влечений. Влечения же, будучи активностью животного существа человека, всегда ищут образы конечных представлений, чтобы начать «обживание» известных достижений разума.

Для нас, очевидно, что биологическая теория происхождения расы *homo sapiens* строится на исключении метафизики воли. «Воля» в этой теории, аналогично пониманию «воли» в марксистской теории, рассматривает человека как трудящееся существо, то есть животное, которое способно производить определенный методический труд. Понятны предпосылки такого понимания воли, которые необходимо искать в нравственной исторической атмосфере Темных Веков, где под «разумом» понимается все, что угодно, кроме как самого разума. Ведь присутствие воли в мировой истории требует, одновременно, и какой-то разумной цели существования человека, тогда как животные влечения этой разумной цели не требуют, а вполне довольствуются любопытством новоявленного дикаря по отношению к миру. Поэтому огромный вал научно-технической информации в современной массовой цивилизации, лишенный какой-то

разумной метафизической основы, растекается в поверхностном рассудка, как «проказа», проникая в те области, где ранее действовали патриархальные нормы жизни, например, в сферу искусства и религии. Эти области теперь должны «научным» методом доказывать, что они имеют право на существование, как в аналогичные Темные Века Западной Европы должны были доказывать свое право на существование разум и воля перед истиной откровения единого бога. Таким образом, мы видим, что периодическое возвращение человечества к эпохе Темных Веков характеризуется утверждением на первом этапе становления новой метафизической картины реальности истин «ветхого завета». И если этими истинами ветхого завета на раннем этапе становления христианской цивилизации были истины еврейского библейского ветхого завета, то на заре становления рационалистической цивилизации – истины чисто научного познания мира.

Мы полагаем, что переход от истин «ветхого завета» к «истинам нового завета» значительно более разрушителен для человеческой психики, чем активность первых фанатиков в начале становления новой модели мировой цивилизации. Ведь появление фанатиков в исторических событиях – это не действие разума, а лишь активизация высшей активности психики в ее коллективистских массовых инстинктах, где индивидуальное начало человека, определяемое разумом, полностью размыто в животной энергии влечений. Однако именно животные влечения человеческой души,

которые «обживают» достигнутые грани исторического разума, создают политическую систему для невозможности возврата назад, будь то институт христианской церкви или научно-технологические процессы современной цивилизации. Для нас же важно понимать, что научная биологическая теория возникновения расы *homo sapiens* – это и есть обобщающий результат «ветхого завета» исторического разума, который демонстрирует моральный конец системы ценностей классической западноевропейской метафизики. Эволюционная биологическая теория происхождения человека целиком и полностью базируется на низших познавательных принципах: непосредственном чувственном восприятии и системе конечных представлений рассудка.

Понятно, что «новый завет» понимания разума, который, как мы утверждаем, во многом был заложен идеями философии Ницше, не предполагает отрицание разума как высшей познавательной способности человека, а лишь требует понимать начала рациональной психологии человека в высшем инстинкте жизни. Причины, по которым философия Ницше была оценена в псевдофилософии как «иррациональная», следует видеть в изначальной предпосылке развития классической западноевропейской метафизической школы, – допускать любой вид свободы, кроме возможности сомнения в своих традиционных метафизических основаниях. При этом заметим, что идея подобия мышления человека некой активности сверхчувственного механизма, в котором логический аппарат мышления действует как тех-

нически безупречная система, собственно, в полной мере реализовался как проект в научно-техническом прогрессе развития мировой цивилизации. Однако окончание «обживания» определенного проекта развития объективного исторического разума неминуемо приводит к его топологической деформации и, в конечном счете, к сворачиванию, то есть к приведению к неким обыденным представлениям о разуме, которые, с метафизической точки зрения, разумом уже не являются. Проблема расовой катастрофы состоит в том, что новые рациональные грани бытия всегда с трудом проникают в непосредственную жизнь человека, поскольку инерция обыденных представлений о разуме – это самая большая инерционная сила развития мировой цивилизации. Ведь «обживание» любой топологической модели разума взаимосвязано с реальными политическими системами, которые обслуживают его проект как взаимосвязь с предшествующим опытом поколений. А политические системы, обслуживающие определенный проект развития исторической модели разума, будь то христианская церковь или современные социальные институты, с течением столетий обрастают бесконечным разнообразием воспоминаний, которые хранят в себе память прошлого. Но природа онтологического потока времени такова, что даже два тысячелетия опыта существования человечества являются достаточно малыми историческими промежутками, когда речь заходит о становлении разума с метафизической точки зрения. В исторический момент расовой катастрофы даже метафи-

зический опыт равный двух тысячелетнему периоду развития мировой цивилизации оказывается очень скромным.

Существом расовой катастрофы, с объективно исторической позиции разума, является резкая деформация течения расовой памяти человека, когда метафизика существования расовой реальности практически исчезает. Реально, это отображается в кризисе традиционных ценностей, которые начинают терять свое основание – патриархальную базу психологии жизни. Так, патриархальная база психологического основания человеческой жизни возникает и формируется из доминирования определенной метафизической расовой реальности, утверждающей господство разума над животным существом человеческой души.

Если человек патриархальной психологии смотрел на мир сознанием своей расовой памяти, в которой метафизические импульсы воли текли в отображении воспоминания нравственной жизни предков, то матриархальные инстинкты заполняют сознание разнообразным ВЛИТЕУМ низших массовых ценностей. Особенность социальной универсальности массовой, или матриархальной, основы психики состоит в том, что ее неразумные начала, обусловленные влечениями, полностью аморфны по отношению к разуму. Подобная аморфность, в которой влечения исключительно активны в социальных связях массовой цивилизации, демонстрирует нам не разумные процессы развития миро-

вой цивилизации, а множество кочевых станов народов, которые ранее жили по определенным патриархальным нормам. Эти кочевые станы возникли вследствие попытки «ветхого завета» рациональной веры – утвердить чисто умозрительные законы существования общества и цивилизации, игнорируя основное свойство разума – существование в качестве расовой памяти предков. Ведь нравственный закон – это, прежде всего патриархальный образ жизни человека, в котором его воля существует в метафизической реальности, где метафизическая реальность отображает взаимосвязь с неуничтожимым началом бытия.

Рассуждая о метафизической реальности, мы, в первую очередь, указываем на особые процессы расового бессознательного, владеющие высшими началами человеческой психики. Понятно, что психоаналитическая теория, исследовавшая человеческую психику со стороны ее животного проявления, не могла найти методы понимания ее высших инстинктов. Более того, у Фромма, как известно, инстинкт смерти в анализе психологического поведения Гитлера получает статус психической «аномалии», хотя в действительности речь должна идти об аномалии самой аналитической предпосылки Фромма, – судить о метафизическом действии воли с точки зрения низших познавательных способностей. Впрочем, исследовательские попытки Фромма судить о высшем существе души с позиции ее низшего психического состояния, которое объявляется «нормой», в полной мере характеризует современную интеллектуальную

позицию науки. Причины, по которым неразумное начинает судить о разумном, следует искать в исчезновении метафизического основания разума, который опирался на знание науки как на активный инструмент метафизического проекта развития мировой цивилизации. Именно поверхностный интеллект стал основой иррациональных коммуникаций в современных связях и процессах массовой цивилизации, исключив возможность существования разумного человека.

Метафизика онтологии времени проистекает из метафизического движения импульса воли, обусловленного высшей психической активностью души. Так, если процессы технологического развития мировой цивилизации имеют иррациональное содержание по отношению к объективно исторической сущности современного исторического разума, то их иррациональная основа обусловлена именно сворачиванием метафизического основания западноевропейской модели цивилизации. Процесс сворачивания метафизического основания жизни происходит в силу истощения высших психических ресурсов, которые постепенно истощаются, когда определенная группа народов находится в эпицентре развития мировой цивилизации, длительное время эксплуатируя высшие психические ресурсы. В отличие от природного существа человеческих влечений, которые замкнуты для разума внутренним взаимоотношением: рассудок – чувство, рациональные основы психологии не-природны. Именно не-природное существо психических процессов всегда определяло развитие мировой цивили-

зации, когда и вера в богов, и вера в единого бога были основой той метафизической реальности, в которой существовала патриархальная психология человеческой жизни. Поэтому конфликты религиозных фанатиков на стыке формирования различных метафизических моделей мировой цивилизации никогда не определяли пути развития исторического разума, а характеризовали лишь окончание одного проекта и начало формирования нового. С другой стороны, появление религиозных фанатиков в становлении нового проекта развития мировой цивилизации всегда указывают на начало расовой катастрофы, то есть на сворачивание одной патриархальной психологии человека и на начало формирования новой патриархальной психологии. И если в начале становления христианской веры первые общины верующих христиан формировались в секты единомышленников, то и в начале веры в разум первые коммунары и впоследствии коммунисты также образовали аналогичные секты верующих. Понятно, что существование любых сект недолговечно, поскольку фанатичная вера неразумна, а потому не способна создавать устойчивые средства рациональных коммуникаций, то есть политические институты существования новой модели развития мировой цивилизации. Причины недолговечности различных сект, будь то первые христиане или коммунары, состоит в культивировании охлократической психологии политической власти, которая проистекает из представления о «равенстве», существующей в морали рабов. Так, новая модель развития мировой

цивилизации формируется именно этим тотальным инстинктом рабства, который начинает культивироваться как единственная моральная «норма» существования в институтах социума, провозглашающих собственные представления о «свободе». Получить «работу» – вот что стало представлением о высшем «благе» в современной массовой цивилизации, то есть быть рабом стало почетным и «высоким» званием в полностью иррациональной системе низших ценностей массового общества. Как получилось так, что стремление к свободе, провозглашенное в Западной Европе, привело к распространению подсознательного существа рабства в мировой цивилизации, можно понять, различая мораль рабов и мораль господ, которые сформулировал Ницше, анализируя и классифицируя ценности жизни.

Мораль господ всегда строилась на метафизических импульсах воли, в отличие от морали рабов, которые определялись животными влечениями. Ведь подсознательной низшей психикой всегда владеет животное начало жизни, которое стремится избавиться от подсознательной расовой памяти, в которой существует ее разумная идея. Можно сказать, что рабское существо человека инстинктивно стремится быть максимально активным в своих влечениях, поскольку живость непосредственных чувственных восприятий является тем базовым аккумулятором низшей психической активности души, где биологическая составляющая этого психического импульса является практически неограниченной. Иное дело – психические ресурсы высшей

психики, из которых проистекают метафизические ресурсы воли, поскольку они не связаны с природной непосредственностью души. Мы потому и рассуждаем о метафизике воли, что мы не знаем: откуда проистекает высшая психика человека. Единственное, что мы можем сказать о ее происхождении, что она взаимосвязана с онтологическим потоком времени и что она активизируется через подсознательный инстинкт смерти.

Наличие активности разумного человека в мировой истории является феноменом метафизическим. Метафизика разумного присутствия действия воли в исторической реальности предполагает, что расовая сущность *homo sapiens* выражает господство именно высшей психической энергии души, обусловленной расовой памятью субъекта. В этом смысле, психическая норма человека, которая тождественна патриархальной психологии жизни, выражается достаточной активностью в непосредственности его психических реакций инстинкта смерти. С психоаналитической точки зрения, можно сказать, что активность инстинкта смерти отображает в расовой памяти субъекта образы высших ценностей исторического прошлого в состоянии очень глубокого трагического переживания жизни. Ведь особенностью этого психического состояния является концентрация сознания на топологической сущности разума, отображающего мир как онтологический сгусток времени. Подобный сгусток, или топология бытия во времени, показывает, что течение длительности настоящего момента вре-

мени является бесконечно малым промежутком по отношению к длительности онтологического потока. Собственно, подобная система взаимоотношения бесконечно малого и бесконечно большого фрагмента длительности времени и выражает сознание материальной «плотности» бытия, отображающей соматические реакции психики.

В вопросе отличия феноменов духа от феноменов материи мы должны исходить из меры интенсивности воздействия расовой памяти на сознание. Так, если воздействие расовой памяти на сознание максимально, то сознание воспринимает духовные феномены как реальность, поскольку память топологически «растягивает» историческое время на очень большие длительности, в которых отображаются метафизические фракталы нравственного расового опыта прошлого. И, наоборот, если воздействие расовой памяти на сознание минимально, то духовная реальность становится бесконечно малым содержанием сознания, поскольку время, сжатое в настоящее, есть полнота материального мира, который замнут для воспоминания о прошлом. Таким образом, топологическая напряженность плотности течения времени и есть реальное различие между духовными и материальными феноменами реальности. Поэтому исторические эпохи, в которых расовая память максимальна, то есть захватывает наиболее значительные воспоминания исторического прошлого, обладает максимальными волевыми импульсами метафизической реальности, тогда как эпоха расовой катастрофы демонстрирует минималь-

ное присутствие воли человека, поскольку настоящее время – это топологическая граница с прошлым, а значит, и с будущим. Если в подсознании субъекта отсутствует взаимосвязь с прошлым, то и будущее, как таковое, отсутствует, поскольку активность течения настоящего момента – это материальная реальность, в которой нет ничего, кроме материи. А если сознание оперирует только материальными феноменами, то оно имеет дело исключительно с влечениями, поставляющими в сознание материал непосредственных чувственных ассоциаций. Импульс воли в принципе не может возникать в материальной реальности, поскольку метафизическое напряжение не образуется в потоке непосредственных чувственных ассоциаций. Тензоры напряжения субъективной воли возникают в воздействии расовой памяти на человеческую психику. И действительно, материальная реальность, с которой имеет дело биологическая наука, должна исключать разумную реальность, поскольку разум есть мера активности расовой памяти субъекта, тогда как животное существует вне разумных законов мировой истории. Понятно, что бесконечно малые волевые импульсы все же присутствуют в животных влечениях души, за счет которых активна массовая цивилизация, однако подобная активность всеми своими психическими ресурсами стремится сохранять прерогативу исключительно настоящего времени. Но психологическое стремление быть исключительно в настоящем времени равносильно тотальной власти над сознанием системы низших ценностей, которые

реализуются в различных экономических процессах массовой цивилизации. Собственно, все расовые катастрофы в мировой истории характеризуются властью «золотого тельца», поскольку воля людей в это историческое безвременье максимально ослабевает, тогда как животное начало души, наоборот, максимально активизируется.

Наша предпосылка понимания метафизической реальности проистекает из сознания расового бессознательного *homo sapiens*, которое показывает единство человечества в качестве метафизического развертывания законов мировой истории как особого пространства внутри биологического мира природы. Особенность этого биологического пространства состоит в том, что оно существует по законам, которые имеют мало отношения к законам животного мира. Так, сферой активности расового бессознательного является деятельность инстинкта смерти в глубинах человеческой психики, которая отсутствует у животного. Заметим, что инстинкт смерти – это не влечение, а энергетическая система высшей психической активности, которая показывает, что настоящее время – это лишь очень тонкая граница между прошедшим и будущим временем. Можно сказать, что это точка сознания «я», которая топологически стягивает в себя прошлое и будущее настолько, насколько интенсивно действие расовой памяти субъекта в подсознании. Если же расовая память, а значит, и разум, пассивны, то тогда

в сознании активно только настоящее время, которое демонстрирует законы материального мира как единственно существующие. Массовая культура, как система активных низших ценностей, всеми своими социальными процессами стремится подавить в субъекте его расовую память, а значит, и его активность субъективного разума.

Очевидно, что вопрос о существовании единого расового бессознательного *homo sapiens* требует ответа на вопрос: чем оно является? То, что оно действительно является особой психической энергией, которая характеризуется воздействием на подсознание человека, доказывают процессы влияния ее на варваров нового мира. Приведем лишь некоторые примеры. Это воздействие расового поля: др. египтян – на др. евреев в период их начального становления, др. греков – на др. римлян в момент появления греческих полисов на италийском полуострове, или воздействие др. римлян – на др. германцев. Здесь, можно сказать, подводная часть айсберга воздействия глубинных слоев высшей психики «вспарывает» животные инстинкты варваров, показывая, что настоящее время – это только слабый «призрак» ушедших тысячелетий.

Когда мы рассуждаем о реальности расового сознания *homo sapiens*, то полагаем, что она выражает реальность именно метафизики действия разума в мировой истории. И наоборот, отсутствие какой-то метафизической мысли, то есть отсутствие тензоров напряжения усилия воли, приводит к полному растворению сознания в животных влече-

ниях души. Ведь поле процессов энергии психики устроено таким образом, что стремится к своему равновесию, причем, в силу неразумности движения этой психической энергии, оно индифферентно к тому, какое качество составляет эта психическая энергия. Качество психической энергии массового бессознательного имеет практически нулевой волевой эквивалент, который «замазывается» всеми средствами многочисленных низших ценностей, с утра до вечера внушаемых массовому сознанию через тоталитарные средства воздействия массовой культуры на сознание. Однако при условии почти нулевого волевого эквивалента активности психики массового бессознательного, многочисленные социально-массовые институты имитируют «энергичность» образа жизни человека, построенного на иррациональном движении влечений. Это связано с тем, что живость непосредственных чувственных ассоциаций, из которых массовая система низших ценностей черпает свои ресурсы, имеет практически неограниченный потенциал, поскольку проистекает из животного человеческого существа. Эта предпосылка сознания эмпирического мира, которая возникла в английской философии, предполагала только один метафизический момент исследования – непосредственность чувственного восприятия в научном эксперименте. И, собственно, вся дальнейшая история западноевропейской метафизики, начиная с Канта и заканчивая Гегелем, стремилась преодолеть конечность рассудочных интеллектуальных конструкций, который английский эмпиризм отождествлял с метафизическим мышлением.

Вместо метафизики воли, в моральных рассуждениях английских философов мы находим банальные моральные рассуждения о свободе личности, где эта свобода проистекает из очень сомнительных субъективных предпосылок. Субъективные предпосылки моральной философии свободы личности в английском эмпиризме строятся на низшей ценности инстинкта самосохранения человека, на основе которого предполагается «договариваться» в социальной жизни, где мера риска индивидуальной свободы никогда не пересекает этого подсознательного инстинкта. Таким образом, в основе современной массовой системы ценностей, доминирующей в массовой цивилизации, лежит примитивная моральная логика английского эмпиризма, где волевой элемент практически неотделим от конструирования технократической модели мира. Основная характеристика свободы личности – в английском эмпиризме – отсутствие разумного основания психологии человека, поскольку живость психических реакций реализуется здесь не в качестве патриархальной психологии субъекта, а в качестве интенсивной активности поверхностного интеллекта, оперирующего многообразной научной информацией. В результате этой универсальности понимания индивидуального чувства свободы, в котором разум не существует, а деятельность интеллекта исключительно активна как научное мышление, ценности свободы, берущие свои начала в английской политической системе, оказались так живучи в мировой истории. Их живучесть проистекает из наличия живости непосред-

ственных чувственных влечений у всех народов мира, стоящих на различном уровне развития цивилизации, поскольку для участия в проекте развития массовой цивилизации вполне достаточно обладать механическим интеллектом, но не разумом. Подобная особенность животной психики человека, где абстракции мысли способны к конструированию настоящего времени как исключительно научно-эмпирической реальности, очевидно, относится к разумному пониманию мира бесконечно мало, а потому в метафизическом понимании онтологии времени им необходимо пренебрегает философская мысль. Это, впрочем, не создает границы между наукой и философией, а лишь требует искать самой наукой рационального основания своих абстрактных конструкций, поскольку, в противном случае, она становится мифологией жизни, хотя и максимально насыщенной разнообразным потоком научно-технической информации.

Периодичность в мировой истории расовых катастроф характеризуется исчезновением всех рациональных коммуникаций в мировой цивилизации. Ведь рациональные коммуникации, возникающие как реализация метафизического содержания действия воли, имеют ограниченный период своего существования, поскольку эти коммуникации показывают сопричастность высшей человеческой психики движению онтологического потока времени. Можно сказать, что онтологический поток времени имеет собствен-

ный, метафизический ритм течения, практически никак не относящийся к течению механического времени, полностью построенного на непосредственности чувственных ассоциаций. Именно этот метафизический ритм течения времени и был открыт в метафизике Шопенгауэра как «злая мировая воля». «Зло», в данном случае, выражает особенность течения расового бессознательного homo sapiens, которое присутствует в тензорах инстинкта смерти, пронизывающих высшую психику человека со стороны подсознания. Другими словами, понимание онтологического потока времени как начала бытия у Шопенгауэра определяется в качестве отрицания всякой попытки понимать деятельность интеллекта наподобие машины. Наоборот, мышление в топологии разума у Шопенгауэра полагается следствием воздействия расовой памяти субъекта на сознание, то есть философ разрабатывал модель действия идеи у Платона, возвращая ее первоначальную функциональную основу, утраченную в попытках средневековых схоластических школ сделать из языческого философа христианского мыслителя.

Как воздействует поле расового бессознательного на человеческие судьбы и моральное состояние целой страны, можно было наблюдать по трансформации большевистской орды при сталинском режиме в некое подобие государства, пытавшегося заложить элементы патриархальной нормы жизни. То, что в животной душе, лишенной каких-то

элементарных признаков разума, вдруг начинают проявляться движения, направленные не на разрушение, террор или глумление над историческим прошлым, а на поиск психической нормы необходимой для существования любого государства, выразилось в сталинском режиме в качестве попытки создания системы лигаристических (от лат. *ligare* – связывать, связь) союзов. Под лигаристическим союзом мы понимаем военно-кастовую систему государственной власти, стихийно возникающую из племенных инстинктов варваров, оказавшихся на развалинах старой системы государственности. Аналогом подобных лигаристических союзов в мировой истории, в нашем понимании, являются дорийские союзы на развалинах ахейской государственности или западноевропейские рыцарские ордена после нашествия гуннов. Лигаристические союзы характеризуются сходственными чертами. Во-первых, это возникновение их организации из племенной психологии кочевников: сарматской и гуннской конницы в период Великого переселения народов и разрушения Римской империи – в IV–VII веках н.э.; и аналогичной племенной психологии дорийцев, вторгшихся на территорию Средней Греции и Пелопоннес на рубеже XIII–XII вв. до н. э. Во-вторых, это постепенное растворение этой полудикой психологии кочевников в расовом поле: др. франков и др. ахейцев, в ценностях и нравах зрелого рыцарства Западной Европы и спартанском быте др. греческой жизни. Таким образом, в прарасовой психологии *homo sapiens*, возникающей в метафизической ре-

альности процессов мировой цивилизации, мы находим инстинкты кочевников, которые активизируются тогда, когда высшие психические ресурсы народов, проживающих на определенной территории, исчерпывают свой патриархальный потенциал жизни, то есть образуется разрыв: между ценностями традиции и течением потока воспоминаний расовой памяти субъективного ощущения целостности духа жизни. Подобный разрыв характеризуется ослаблением мужества духа как усилия метафизического импульса воли, характеризующего существование человека как разумного существа. Поэтому народы и подвергаются нашествию кочевников, что начала неполноценной жизни стираются возвращением назад, к неразумной полноте природы.

Возвращаясь к процессу трансформации племенной организации большевистской орды на развалинах Российской империи в некое подобие полудикой государственности, следует понимать, что речь идет о закономерном историческом процессе. Возврат к полудикой нравственной жизни, в которой неразумный человек владеет территориями, где еще совсем недавно существовали какие-то признаки разума, – вот что определяет реальность существования русской государственности после нашествия большевистской орды. Суждения же о том, что Сталин довел страну до создания ядерной бомбы, принадлежащие Черчиллю, лишь еще раз доказывают, что английское мышление никогда не обладало рациональной школой полноценной мысли, оценивая достижения не разума, а лишь научного рассудка. Тем не

менее, именно с режима Сталина начинается процесс воздействия расового бессознательного на неразумные инстинкты варваров, распространившиеся на развалинах бывшей Российской империи. На это указывает, в частности, и архитектура той эпохи, например, здание МГУ. Однако уже после смерти Сталина возврат к племенной психологии кочевника под знаменами «свободы» и «демократии» начинает реализовывать Хрущев, а заканчивает, как известно Горбачев, практически полностью ликвидировав почти полувековую попытку русских сконструировать на развалинах Российской империи некое подобие государственности. С другой стороны, когда нам говорят, что «мы» проиграли в холодной войне с Америкой, то мы не понимаем: при чем тут русские, которые находились все это время практически под оккупацией «пролетарской силой», разрушившей устои их патриархальной психологии? Как раз наоборот, именно распад СССР как единой орды-государства на несколько племенных образований дал шанс русской нации для объединения.

Выделение сталинского режима из общей племенной психологии большевистской орды, разрушившей русское государство после 17-го года, показывает, что процесс структурирования новой модели мировой цивилизации происходит вследствие переплавки инстинкты варваров в новую систему государственности. Понятно, что речь не может идти об идеях коммунизма, которые могли захватить только неразумное мышление и инстинкты рабских масс. Речь идет о тех крупных «хищниках», о которых рассуж-

дал Ницше как о родоначальниках всякой модели мировой цивилизации. При этом мы должны преодолеть афористический язык Ницше, который реализовал свою задачу: сконструировал новое понимание бытия в субъективной позиции эстетического созерцания реальности, отображающей его полноту. В контексте понимания возникновения лигаристических союзов, определяющих путь становления новой модели мировой цивилизации: от Темных Веков – к Средневековью, мы полагаем, что формирование их из инстинктов кочевников происходит в результате появления основ патриархальной жизни в результате разрушения этих инстинктов. Эти основы формируются структурами орденов, в которых племенные инстинкты «переплавляются» в зачатки государственной жизни и, следовательно, в начала существования собственной модели рационального начала жизни.

В системе государства, которое переживает исторический перелом от эпохи Темных Веков к Средневековью, лигаристические союзы – это единственная устойчивая структура политической реальности, связывающая метафизическую активность воли в конструировании самостоятельной модели цивилизационного проекта. Поэтому, когда мы размышляем над будущим России, то полагаем, что мера разума в ее государственном функционировании тождественно равна активности полноценных начал психики человека, с которыми в российской реальности существуют катастрофические проблемы, поскольку вопрос о полноценных

началах психики – это вопрос активности разума в душе. Разум является регулятором баланса высшей психической активности души, а потому его реальность всегда отображает отличие человека от животного в чем-то метафизически конкретном. Мы под этой конкретикой метафизической сущности объективного исторического разума понимаем онтологический феномен времени.

Максимальный акцент на проблемах настоящего момента времени, то есть исключительно позиции поверхностного рассудка, который характеризует процессы расовой катастрофы, определяется катастрофическим ослаблением расовой субъективной памяти человека. Разрыв с расовой субъективной памятью приводит к непомерному «раздуванию» того, что составляло рассудочные основания в старой школе метафизической мысли. Таким образом, научный метод сам по себе как безусловная самоценность суждений рассудка, стал единственным подтверждением «разумности» научно-технологической основы современной массовой цивилизации, хотя подобная «разумность» существует за пределами современного исторического разума. Причины, по которым подобного рода ложное представление о разуме распространилось в современной массовой цивилизации, состоит именно в массовости самого процесса расовой катастрофы, когда все традиции народов мира подверглись жесткой деструкции со стороны активного проникновения в них процессов научно-технического прогресса. В этом распространении научно-технического

проекта развития мировой цивилизации во все народы мира, можно сказать, распространились идеи «ветхого завета» представлений о разуме. Но как вера в единого бога в поздней Римской империи соседствовала с процессом разрушения патриархальной жизни античного мира, так и вера в разум в последние века существования Западной Европы соседствовала с распадом патриархальных норм жизни западноевропейских народов. Ведь основа патриархальной психологии человека всегда определяется мерой присутствия в его непосредственном образе жизни активности разума, которая отображает, в свою очередь, ресурсы высшей психической активности души.

Основное противоречие, в силу которого западноевропейская цивилизация растратила высшие психические ресурсы метафизических усилий воли для развития собственного рационального проекта, – это тотальный психологический акцент на механическом течении ритма времени, пронизывающего все процессы массовой цивилизации. Обусловлено это тем, что метафизические принципы жизни здесь остались в патриархальном образе жизни подсознания, связанного с представлением о едином боге, тогда как истины веры в разум оказались результатом только смутной «тени» новой модели цивилизации. Аналогичная ситуация существовала и в поздней Римской империи, где официальное признание христианства государственной религией лишь констатировало неизбежность развития нового метафизического проекта мировой цивилизации, однако на

уровне слабеющих подсознательных импульсов воли Римская империя оставалась языческой империей. Как и в Римской империи, в Западной Европе активность веры в разум распространили бывшие рабы (буржуазия и пролетариат), которые влили своим фанатизмом веры новые ритмы жизни в умирающие патриархальные нормы западноевропейских народов. Поэтому мысль Ницше о «смерти бога» констатировала то, что стало очевидным в наше историческое время: исчезновение метафизического обоснования патриархальных норм жизни западноевропейских народов. В контексте понимания конца метафизического обоснования жизни и возникла философия европейского нигилизма, в которой трагическое переживание стало единственным проявлением исторического национального самосознания. При этом выясняется, что именно глубоко трагическое переживание жизни является силой, активизирующей поле расовой памяти субъекта, в которой действует разум, а потому Ницше, занимая резкие позиции антиидеализма по отношению к классической западноевропейской философии, возвращает подлинное понимание сущности модели платоновской идеи как свойства воздействия расовой памяти субъекта на его сознание. Поэтому именно максимальное отрицание позиции классического западноевропейского идеализма и привело Ницше к подлинному пониманию происхождения платоновских идей как образов расовой субъективной памяти.

Чтобы показать, что идеи Платона – это не наивная мифология отдаленного прошлого мысли великого философа,

а актуальная реальность настоящего содержания современных идей философии, мы указываем на существование математических фракталов. Размышляя над объективной структурой математических фракталов, можно полагать, что эстетическая реальность созерцания мира имеет определенную топологическую мерность, в которой математические фракталы описывают присутствие бесконечного повторения симметричного подобия объектов не механической, а конструктивно-эстетической природы. Конструктивный элемент эстетической структуры фрактала указывает на метафизическую грань объективного разума, которая отображает онтологический момент времени в качестве присутствия тензора взаимосвязи: созерцаемой границы небытия и бытия. Понятно, что аналогичным образом протекают и события мировой истории, в которых метафизика исторических событий суть метафизика фракталов мировой истории, где цикличность Темных Веков, Средневековья, Возрождения и других эпох, описанных в линейной концепции Гегеля, воспроизводит повторение подобных исторических эпох.

Когда мы размышляем над Темными Веками российской истории, начавшимися с нашествия большевистской орды и разрушения Российской империи, то понимаем, что Советский Союз и был той зачаточной структурой государства на основе лигаристических союзов, в которых происходи-

ла медленная переплавка инстинктов кочевников в новые патриархальные нормы жизни. То, что новая орда, «перестроечная», разрушила зачаточные структуры лигаристических союзов, мы объясняем тем, что эти советские структуры тоталитарно утверждали «ветхое» понимание разума. Ведь в действительности, коммунизм возник и распространился как одна из наиболее влиятельных сект, характеризующих нравы Темных Веков, в котором понимание «разума» происходило из английского эмпиризма. Ясно, что вера в «коллективный разум», которая существовала в идеях коммунизма, в полной мере могла захватить только инстинкты рабов и тех поверхностных интеллектуалов, которые выражали ценности русской революционной интеллигенции. Именно эти две полудикие силы: дремавшие животные инстинкты рабов и представления поверхностных интеллектуалов и стали основой социальной модели советской власти, психологический каркас которой до сих пор доминирует в постсоветской России. Однако психологическая динамика военно-патриотических союзов, то есть конструктивный принцип лигаристических союзов, имеет, безусловно, не только положительное содержание, но и единственно возможную основу для существования основ государственности в Темные Века. Особенно топологически отчетливо это проявилось в сталинском режиме, что подтверждается суждениями самого вождя большевистской орды о попытке реконструкции партии большевиков по подобию некоего ордена. Причины, по которым эта попытка не удалась, следует искать не в са-

мом намерении, а в невозможности построить начала новой модели государственности на основании низших ценностей. Ведь низшие ценности – это всегда низшие познавательные способности человека: чувство и рассудок, которые и являлись представлениями о «коллективном разуме». Понятно, что попытка создания ордена на основе инстинктов рабов и поверхностных интеллектуальных представлений не могла реализоваться в принципе.

Вообще, когда мы рассуждаем о современной исторической российской реальности, то должны понимать два принципиальных момента. Во-первых, мы должны понимать, что активность исторического разума существует здесь на самом зачаточном уровне, а во-вторых, что только в современной России разум и существует как историческая реальность, тогда как в остальном мире – истории, как какой-то разумной цели существования цивилизации, больше не существует. Поэтому, когда мы реконструируем понимание мировой истории с точки зрения возникновения лигаристических союзов в Темные Века, то должны понимать, что кочевые инстинкты варваров, разрушающих патриархальный быт народов, с другой стороны, привносят агрессию высшей психической активности, смешанную с животным чувством жизни. Собственно, это сама фрактальная сущность природы «вклинивается» в ослабленные связи традиционного быта как необходимость ее патриархальной реконструкции. Момент возникновения ордена как одного из основных критерия лигаристического союза,

который характеризует начало становления новой модели мировой цивилизации, всегда определяет процесс слома животных инстинктов души, и, как следствие, активизации в ней разумного начала.

Анализируя принципиальные различия между кочевой энергией человеческой орды и кастовой организацией ордена, который характеризует начало возникновения новой модели мировой цивилизации, мы видим, что они определяются восстановлением власти патриархальной нормы жизни над животной непосредственностью души. Так, по видимому, активизация племенных инстинктов животной души различных человеческих орд на периферии мировой цивилизации происходит вследствие исчерпания метафизики очередного рационального проекта развития цивилизации. Именно поэтому было возможно появление большевистской орды на территории бывшей Российской империи. Одновременно, мы видим, что оттеснение варваров, захвативших государство, происходит именно в системе военных союзов, где действует уже не агрессивный инстинкт кочевника, а задача конструктивных усилий по созданию собственных основ цивилизации. Этот исторический момент в мировой истории характеризуется возвратом ахейской патриархальной психологии с учетом ее реконструкции в дорийских орденах. Аналогичным образом, и оттеснение франками кочевых нравов сарматов и гуннов могло происходить только в переплавке животной агрессии кочевника в конструктивную основу государственной жизни.

Возврат к системе лигаристических союзов в российской государственности неизбежен, поскольку процесс перехода от Темных Веков – к Средневековью происходит в качестве военно-патриотической идеологии новой сущности исторического разума, который демонстрирует возвращение расовой памяти к высшим ценностям прошлого. И если раннее христианство в процессе перехода от Темных Веков – к Средневековью возвращало воспоминания расового бессознательного субъективной памяти к духу египетского жречества, на что обращал внимание еще Ницше, то ранний рационализм обратился к др.греческому наследию. То, что этот дух оказался трагическим переживанием, в котором полностью исчезла старая рациональная школа мысли, говорит лишь о том, что наивные механические конструкции метафизической мысли остались в историческом прошлом, тогда как историческое будущее существует на уровне воздействия непосредственных образов субъективной расовой памяти на сознание, очищая его от BLITEUM массовых ценностей-влечений. Ведь мера низших познавательных способностей: чувства и рассудка – это и есть сфера инфантильного мышления, если оно утрачивает разумное основание суждений.

Если возвратиться к зачаточным психологическим основам сталинского режима власти, в котором происходила попытка – сломить кочевые инстинкты большевистской орды, то мы замечаем два основных признака человека сталинской эпохи: достаточную психическую полноцен-

ность, с одной стороны, и глубокий инфантилизм сознания, с другой. Понятно, что инфантилизм сознания человека сталинской эпохи определялся неразумной коммунистической идеологией, в которой разумное было предметом веры в научно-технический прогресс, а не предметом взаимодействия метафизического импульса воли с высшими психическими процессами души. Однако нас интересует полноценность психики человека сталинской эпохи, которая, как мы полагаем, проистекала из первого опыта не только российской системы государственности, но и новой мировой модели мировой цивилизации, зарождающейся в зачаточной системе лигаристических союзов, когда кочевники начинают испытывать в своей высшей психике воздействие расового бессознательного тысячелетнего опыта российской истории. В данном случае, мы вынуждены пренебрегать непомерной инфантильностью сознания человека сталинской эпохи, учитывая, что инфантилизм сознания – это следствие невозможности действия воли в его полном смешении с влечениями, которые выражают животную подавленность разума.

Когда происходит перелом человеческой психики: от Темных Веков – к Средневековью, то деформации подсознания ее высших пластов наиболее болезненны. Именно от этих исключительно болезненных состояний психики и «спасал» культ отца народов. Мы полагаем, что и в зачаточной организации лигаристических союзов в Германии, например, в орденах Аненербе (нем. Ahnenerbe – «Наследие предков») аналогичным образом, происходила дефор-

мация высших слоев психики. Здесь также был свой «отец», который «спасал» от разрушительного действия высших импульсов психики. Понятно, что деятельность фашистских орденов была более последовательна в необходимости реализации метафизического импульса воли, однако практически не обладала главным критерием развертывания системы лигаристических союзов в новую модель цивилизации, то есть каким-то разумным основанием. Реконструкция старой рациональной психологии через деформацию высших слоев психики в фашистской модели государственности не имела какой-то новой рациональной стратегии, поскольку в западноевропейской цивилизации оказались исчерпаны потенциалы метафизических ресурсов воли. Ведь воля не существует без рациональной стратегии развития мировой цивилизации, которая показывает отчетливость разумной индивидуальности в ее постоянном контакте с собственной идентичностью, а не с массовой сферой бессознательных влечений, которые в равной мере характеризуют и фашистский и советский режим власти. Кроме того, во многом и система военной организации компартии в Китае также является прообразом зачаточных лигаристических союзов, в которых происходила катастрофическая деформация старой расовой психологии человека и становление новой модели мировой цивилизации. Таким образом, практически весь политический порядок процессов мировой цивилизации в XX веке характеризуется нашествием варваров нового мира.

Размышляя о начале бытия во времени, мы полагаем, что взаимосвязь материальных и духовных феноменов реальности осуществляется в различной плотности и интенсивности свойств действия человеческой памяти. Причем, если рассматривать конечные грани действия памяти, которые воздействуют на сознание из достаточно небольших промежутков времени, то речь идет именно о «человеческой» памяти, то есть сфере непосредственных влечений в повседневной жизни человека. Если же сознание имеет отношение к воспоминаниям, которые проистекают из самых разрушительных глубин психики, то мы не можем рассуждать о «человеческой» памяти, понимая, что эта память связывает нас с чем-то «сверхчеловеческим». Другими словами, чем более глубокие слои памяти воздействуют на сознание человека, тем менее активны его влечения и тем более интенсивно воздействие в нем воли. Причем, если поверхностные слои памяти «плавают» в поле непосредственных чувственных ассоциаций, реагируя на материальные феномены реальности, то глубинные слои памяти, наоборот, практически не касаются чувственных ассоциаций, «заметая» их метафизическим импульсом воли. Следовательно, метафизическое начало в воле – это воздействие очень отдаленных и очень глубоких воспоминаний памяти, которые имеют расовую природу. Можно сказать, что в глубинах психики, связанных с инстинктом смерти, протекает онтологический поток времени, имеющий взаимосвязь

с началом бытия в качестве опыта воспоминаний всего многообразия мировой истории, касаясь ее наивысших достижений. Однако в повседневной жизни этот «огонь» остроты воспоминаний глубинной памяти человека находится в состоянии «сна», которое поддерживается интенсивностью потока непосредственных чувственных ассоциаций массового бессознательного. Таким образом, чем энергичней воздействие непосредственных чувственных ассоциаций на сознание человека, тем менее разумна психика человека, поскольку она заглушается полем энергии материальных феноменов реальности. И наоборот, чем интенсивней действие метафизических импульсов воли, взаимосвязанных с энергией духовных феноменов бытия, тем более рациональна человеческая психика, поскольку отображает всю полноту мирового опыта высших ценностей в качестве тотальной власти мирового разума прошлого над подсознательным существом человеческой души. Но в любой мере рациональности человеческой психики всегда существует метафизическая мера, ибо, в противном случае, речь идет не о разуме человека, а о его животном существе. Таким образом, существование *homo sapiens* – это всегда мера метафизической реальности, которая различает человека и животного.

В понимании метафизической сущности онтологического потока времени, из которого, как бесконечно малые «ручьи» проистекают различные высшие потоки психики всех людей населяющих планету Земля, мы должны отчетливо

осознавать, что речь идет о новой метафизической школе мысли. Так, различные эксперименты с человеческой психикой, которые стали тотально производиться в XX веке и, особенно, в XXI веке, указывают на глобальный пересмотр понимания ее процессов. Причем, легко заметить, что эти эксперименты ведутся приблизительно на том же полудиком уровне по отношению к разуму, который соответствовал уровню пониманию механических закономерностей в Западной Европе между Темными Веками и Средневековьем, то есть в момент становления новой – для того исторического времени – школы метафизической мысли. И если метафизика раннего Средневековья Западной Европы реализовывала свое понимание механических закономерностей в совершенствовании, например, техники орудий пыток или производства оружия, мечей и кольчуг, то метафизика нашего раннего Средневековья экспериментирует с бессознательными процессами человеческой психики.

Глава 3

Лигаризм, или логика действия расовой памяти

(от лат. ligare – связывать, связь)

Принципиальным отличием рассудочного мышления – от рационального содержания течения мысли, является отсутствие или наличие эстетического созерцания реальности, которое проистекает из непосредственного контакта сознания с разумным началом бытия. Владение рациональным предметом мысли состоит в том, что граница настоящего времени присутствия объекта становится бесконечно малой, то есть его материальная реальность топологически стягивается в конструкцию, которой разум пренебрегает, поскольку присутствие разума в онтологическом потоке времени оперирует не отдельной конструкцией материального феномена, а его фрактальной природой. Фрактальная реальность, таким образом, является следствием топологического стягивания настоящего момента времени в бесконечно малую величину, которая психологически исчеза-

ет в глубинах памяти. И наоборот, отсутствие метафизики фрактальной реальности объективного мира приводит к непосредственной власти настоящего момента времени над сознанием, поскольку высшие психические процессы бесконечно ослабевают, а вместе с ними ослабевает и разумное начало души. В результате, время становится только бесконечно топологически «растянутым» настоящим моментом, в котором мир является только материальным, хотя время существования этой материи может измеряться миллиардами лет. Однако измерение времени существования материи – это не время в онтологическом смысле, а лишь представление о настоящем, которое может длиться бесконечно долго. Понятно, что подобное представление о времени не относится к его фрактальной сущности, когда время то возвращается, то исчезает. В самой субъективной конструкции эстетического восприятия бесконечного возврата и бесконечного исчезновения времени существует процесс объективизации метафизического импульса воли, который «втекает» своим топологическим «ручьём» в поток онтологического движения времени.

Если мы отбросим мистический оттенок понимания сущности мировой воли у Шопенгауэра, то поймем, что речь идет именно об онтологическом потоке времени, в котором субъективная психика человека присутствует как объективное поле. И если Шопенгауэр рассматривал это поле

со стороны старой метафизической школы мысли, ориентируясь на понимание разума у Канта, то Ницше, безусловно, стал рассматривать и процессы психики, и саму разумную действительность со стороны этого субъективного поля контакта высших процессов души с онтологическим потоком времени. С точки зрения действия разума как свойства расовой памяти человека, он отбросил механическое понимание психики, лежащее в основе старой метафизической школы мысли, где разумное должно было быть достаточно отчетливым и простым содержанием рассудка для операций логического мышления. Фактически, произошло топологическое «заметание» авангардной сущностью субъективного разума механического понимания мира, в котором полностью доминировали начальные представления об эмпирическом начале бытия. Произошел процесс топологического сворачивания исторических позиций старой метафизической школы мысли, которая стала выражать только исключительно настоящий момент времени, который мог, как бесконечно растягиваться в прошлое, так и бесконечно сжиматься до очень малых длительностей, но уже не показывал присутствие границы между животным и разумным началом души.

Причиной, по которой определенная школа метафизической мысли сворачивает свои позиции в мышлении, следует видеть в исчерпании определенных ресурсов высшей психической активности человека, которые существуют в расовом бессознательном *homo sapiens*. Вообще, мы рассматриваем расовое бессознательное *homo sapiens* как

определенное метафизическое поле, которое остается после смены одних поколений людей другими людьми, то есть фактически речь идет об определенном метафизическом пространстве, которое остается после смерти человека и даже после смерти целого поколения людей, непосредственно контактируя с живыми в качестве действия постоянного воспоминания. В нашем понимании, расовая реальность *homo sapiens* выражается в постоянном контакте высших слоев психики с памятью предков, которая, в свою очередь, взаимосвязана с высшими историческими ценностями. Если оценивать систему ценностей с точки зрения интенсивности расовой памяти, то речь идет о мере влияния патриархальной и матриархальной психологии человека. В понимании матриархальной и патриархальной психологии человека мы, очевидно, исходим не из линейных представлений об исторических процессах, где эти психологии существовали в далеком прошлом, а из симметричного строения человеческой души, в которой влечение выражает матриархальное начало психики, а воля – ее патриархальное существо. Таким образом, в понимание матриархального и патриархального строения психики мы вкладываем не физиологическое, а метафизическое понимание, которое определяет уровень активности разума в человеческой душе. Если матриархальное движение человеческой психики определяется интенсивностью в ее бессознательном существе динамики влечений, то патриархальное поле психики – активностью импульсов воли.

Вообще, в конструктивно-оценочной системе патриархально-матриархального строения человеческой психики мы понимаем фрактальный принцип симметрии человеческой природы, на который обратил внимание еще Платон, полагавший, что физиологическое строение гермафродита выражает не аномалию, а первоначальное существо человека в момент его исторического появления. Дальнейшая мысль Платона, как известно, развивалась в направлении понимания чувства любви, или, следуя особенностям античного мышления философа, божественного эроса в поиске двух половинок: мужчины и женщины друг друга. Для нас важен тот факт, что и Фрейд находил подтверждение своей теории либидо в описании процесса воспоминания у Платона как непосредственного действия структуры идеи в качестве динамики активности влечения. И действительно, если учесть, что действие подсознательного влечения отображает момент воспоминания человеком какого-то реального эпизода из своей коллективной жизни, то мы поймем, чем является метафизика воли, а именно тем опытом воспоминаний, который выходит за пределы коллективного опыта индивида, всплывающих из глубин его расовой памяти.

Известно, что в «Тимее» и «Политике» Платон рассуждает о циклических расовых катастрофах, когда миром управляют уже не боги, вследствие чего мир становится бессильным, то есть теряет метафизическую основу воли. Здесь мы находим предпосылку для понимания фрактального анализа понимания мира, который делится на систему

идей и систему их материальных образов. Ведь разумное содержание бытия – это настолько полный контроль высшей психики над низшей психикой, что низшая психика вообще перестает существовать как сознание настоящего времени. Граница между прошлым и будущим полностью стирает настоящее в качестве несущественного, поскольку неразумным содержанием необходимо пренебрегает метафизический импульс воли. С другой стороны, мы не можем рассматривать понимание «сверхчувственного», которое определяется в структуре платоновской идеи как ее конструктивный принцип, – буквально. «Сверхчувственное», в платоновском смысле, необходимо понимать исключительно в конструктивном элементе пренебрежения границей между прошлым и будущим, который отображает в расовой памяти объективную структуру вещей. Так, максимальная реалистичность материального мира возможна только при условии наивысшей активности сознания настоящего момента времени, в котором его прошлое и будущее относительно. Здесь следует понимать, что прошлое материального мира, даже отодвинутое на несколько миллиардов лет назад, к так называемому моменту теории «большого взрыва», является не прошлым, а настоящим, если рассматривать не позиции непосредственного чувственного восприятия и рассудка, а разумное понимание вещей. Только пренебрежение прошлым и будущим в качестве его идеи, дает возможность оперировать историей материального мира объектов в качестве чего-то «истори-

ческого», поскольку в действительности материя не имеет своей истории. История материального мира является лишь следствием очень слабой активности расовой субъективной памяти, в которой отсутствует разумное понимание вещей, когда вместо него становится активным только человеческий рассудок. Рассуждение же само по себе, то есть рассуждение, в котором отсутствует идея содержания мысли, является поверхностной комбинаторикой уже известных идей, или описанием не самой структуры метафизического фрактала, а его отдельных подобных элементов. В таком понимании всегда отсутствует целое, или то, что Платон называл «единым», поскольку бесконечное множество элементов структуры любого фрактала не дает возможности понять его метафизически образующую модель.

В вопросе периодичности расовых катастроф, о которой рассуждали родоначальники философской мысли Пифагор и Гераклит, помимо Платона, следует видеть конструктивную идею «вечного возвращения» как единства математической меры и эстетического мира. Можно сказать, что разрушение субъективной расовой памяти, на основе которой строятся начала любой патриархальной психологии жизни, характеризуется разрушением определенной эстетической основы созерцания реальности, которая является непосредственным метафизическим материалом взаимосвязи: момента возникновения импульса воли и рационального усилия психики. Здесь мы должны рационально осмыслить понимание у Шпенглера исторического момента перехода:

от безусловного господства высших ценностей над своей исторической эпохой – к началу власти мира чисел над сознанием. Так, математическая мера является продуктом «консервации» высших ценностей определенной исторической эпохи, когда «свет» метафизических фракталов, или свет идей, по Платону, меркнет. Математические знаки и образы начинают воспроизводить, или «возвращать», субъективное созерцание к той эстетической картине реальности, в которой непосредственно доминировали высшие ценности. В результате, происходит небольшое «оттеснение» власти исключительно настоящего времени над человеческой душой, но не в самой идеи жизни, а лишь на уровне поверхностной абстракции. По-видимому, такова была моральная позиция философии Канта, построенная на математической мере, если рассмотреть вещь-в-себе, в которой разум является трансцендентной основой вещей. Такова вообще позиция человеческого рассудка, и вопрос состоит только в том, в какую сторону обращены способности суждения: к низшим или высшим ценностям.

Если рассуждать о ценностях с точки зрения подсознательного начала психики, то высшие ценности – это всегда позиции воли, а низшие ценности – это всегда позиции влечений, которые выражает сознание в качестве понимание субъективных целей человеческой жизни. С точки зрения же исторического разума, высшие ценности – это позиции власти исторического прошлого над подсознанием человека, а низшие ценности – власти ежеминутных потребностей

животного начала человеческой души. Именно поэтому мы находим во всех зачаточных структурах лигаристических союзов в мире: в фашизме, коммунизме и маоизме два основных элемента – военный и патриотический, поскольку патриархальное начало психологии человека необходимо взаимосвязано с этими расовыми блоками памяти. Одновременно, мы понимаем, что эти зачаточные структуры лигаристических союзов не могли развиваться в нечто самостоятельное, поскольку ни в одном из них не было сломлено племенное начало психики, что является условием возникновения полноценных рациональных коммуникаций.

Развивая идею Шпенглера о мере чисел как основной функции рассудка в поддержании инерции распада мировой цивилизации, мы понимаем, что, если в момент метафизического тождества науки и философии идея числа выражает еще полное обращение к историческому прошлому, то в момент интенсивного распада известной модели мировой цивилизации числа уже не имеют какой-то идеи, а потому максимальная их функция – измерение финансовых потоков. Так происходит топологическая трансформация рациональных коммуникаций в иррациональные процессы мировой цивилизации, то есть в тот момент, когда числа уже не обладают эстетической функцией фрактальной реальности мира, а отображают только математические фракталы как эмпирические комбинации поверхностных знаний рассудка о материальном мире. Фактически, любая расовая катастрофа, с точки зрения неразумности иррациональных

процессов, доминирующих в мировой цивилизации, всегда упорядочивается финансовыми потоками, рассматриваем ли мы гибель Римской империи или гибель цивилизаций Др. Востока в самое отдаленное историческое время. Именно в активности финансовых потоков, как последней инерционной системе распада «старой» модели мировой цивилизации, полностью разрушается эстетическое единство мира, и, как следствие, метафизический импульс воли растворяется в животном влечении психики.

В математическом образе фрактала можно найти структуру взаимосвязи между эстетической картиной реальности и ее скрытой метафизической моделью, ускользающей в начало бытия во времени. Таким образом, существование бытия во времени описывается элементами, в которых принцип подобия и симметрии составляет структурную основу динамики перехода материального мира в мир фрактальной реальности, где образы расовой памяти активизируются вследствие воздействия эстетического созерцания, и, как следствие, отображают мир духовный как присутствие топологического «склеивания» исторического прошлого и настоящего. Под метафизическим процессом топологии этого «склеивания» мы понимаем момент «забывания» настоящего времени, когда психикой полностью владеет процесс расовой памяти, который определяет метафизику сознания реальности в рациональном проекте исторической перспективы. Таким образом, о существовании любой духовной реальности можно рассуждать толь-

ко с позиции действия в подсознания человека активности высшей психики, взаимосвязанной с его расовой памяти. В противном случае, человек – это животное в той или иной степени исторической мифологии мышления.

Историческая концепция Шпенглера, если определить ее рациональный принцип, является ничем иным, как интуитивной теорией фрактальной истории высших ценностей человечества. Особенность фрактальной истории высших ценностей состоит в том, что, с одной стороны, будучи образованными из подобных элементов: власти аристократии в данную историческую эпоху и новых художественных классических образов искусства и архитектуры, эти ценности, с другой стороны, имеют очень небольшой исторический период существования, который равен жизни двух-трех поколений. Появляясь на стыке очень жесткой системы нравов Средневековья и Возрождения, высшие ценности образуют топологию разума в той эстетической динамике метафизики воли, которая указывает на активность рациональных коммуникаций в качестве закона расообразования *homo sapiens*. Поэтому когда историческое мышление возвращается в прошлое, то видит там не плоско-линейную картину научно-технического прогресса, а топологическую реальность, состоящую, как из максимумов рациональной активности цивилизации, совпадающей с эпохой непосредственного присутствия в жизни человеческих поколений

влияния высших ценностей, так и его минимумов, которые определяют процесс расовой катастрофы. Активностью процессов расовой катастрофы является тотальная власть низших ценностей, которая опирается на инерцию деконструкции отработанных рациональных коммуникаций в системе регулирования финансовых потоков. Так было и в Римской империи в эпоху ее глубокого упадка, и такая же ситуация существует в современной Западной Европе, в которой связи рациональных коммуникаций исторического прошлого оказались полностью раздробленными. Научно-технический прогресс является этими бесконечно-малыми элементами «отблесков» фракталов высших ценностей последней исторической эпохи, находящиеся по отношению к нам в историческом времени. И если активность этой памяти бесконечно слаба, то в этом и выражается непосредственный феномен расовой катастрофы, суть которого состоит в исчезновении рациональных коммуникаций, которые становятся изолированными элементами фракталов, где исчезает единство эстетической реальности. Разрушение единства эстетической реальности неизбежно приводит к резкому ослаблению активности воли, поскольку больше нечего противопоставить сознанию смерти на уровне рационального понимания бытия. Начинается эпоха нигилизма, которая определяет характер нравов и ценностей расовой катастрофы как отсутствие разума в непосредственном образе жизни человека, вследствие чего человеческая жизнь полностью опускается до уровня животного сознания.

И до исторической концепции Шпенглера были описаны процессы расовой катастрофы, которые выражаются признаками падения нравов: взрывом животного стремления к чувственным наслаждениям, пренебрежения к традиции, глумления над чувством чести и долга. Но Шпенглеру удалось на интуитивном уровне фрактально связать мировую историю в последовательности ее топологических связей, где, хотя понятие «фрактала» и не используется, но зато в полной мере используется понимание развития исторических событий как конструктивного принципа эстетического созерцания бытия в качестве доминирующего для метафизического импульса воли. И действительно, если нечего противопоставить смерти на уровне разумного понимания бытия, то человек неизбежно возвращается к животному состоянию души, где мир становится только непосредственным опытом чувственной достоверности реальности. Подобный возврат происходит вследствие единственной сферы сознания, которая не разрушается под воздействием действия инстинкта смерти, – эстетического мышления. Ведь даже в самом жестком воздействии атаки подсознательного инстинкта смерти на глубины психики, которые сопровождаются максимальным трагическим переживанием бытия, эстетический феномен не только сохраняет свою целостность, но и, наоборот, выражает наивысшую просветленность разума. Именно об этом учил Платон в теории вечных идей, которые суть метафизические фракталы бытия.

Если проанализировать, каким образом высшие ценности проникают из одной точки географического пространства, в которой они возникли, в другую точку, то есть на достаточно отдаленные территории, то здесь мы обнаруживаем изолированные элементы фракталов, которые, как «бактерии» мирового разума проникают в среду народов, где существует животная непосредственность души. Именно таким образом, то есть через связи научно-технического прогресса, проникали отблески высших ценностей из последнего места своего присутствия, Западной Европы, во все другие страны мира. Однако это проникновение характеризует изолированные фрактальные элементы, лишённые внутренней топологии целостности своих связей, поэтому подобное проникновение оборачивается развитием в этих странах не высших ценностей, а низших ценностей. Ведь низшие ценности – это имитация воли, а не ее активность, проистекающая из высших слоев психики. Однако в животном существе души, где исторический разум находится в состоянии «сна», даже имитация воли воспринимается как «разум», поскольку животная душа практически не имеет самостоятельного рационального опыта существования. Поэтому бурная активность народов, воспринявших изолированные элементы метафизических фракталов высших ценностей мировой истории, практически всегда осуществляется за счет тотального разрушения своей традиционной системы ценностей, то есть оборачивается не действием разума, а в большей степени его имитацией.

Возвращаясь к событиям нашествия большевистской орды на территорию Российской империи, которую в историкографии, не имеющей в своем основании разума, принято называть «революция», мы полагаем, что история возникновения лигаристических союзов (Союз Советских Социалистических Республик) является исторически необходимой с точки зрения метафизики расообразования homo sapiens. Так, изолированные элементы фракталов высших ценностей, тотально проникавшие в российскую реальность, начиная с исторических реформ Петра, постепенно разрушали основы традиционного уклада быта русского народа, навязываемая ему комплекс неполноценности по отношению к западному образу жизни, то есть трансформировались в систему низших ценностей. В результате, то, что было, так или иначе, отображением системы влияния либо высших ценностей на сознание, либо воспоминанием о них в историческом поле Западной Европы, трансформировалось в сфере российской психологии в сознание человека «второго сорта», который постоянно должен был оглядываться, как ребенок, на западную модель цивилизации. Поэтому нашествие большевистской орды и разрушение русского государства было предопределено самих исторических ходом ее социально-государственного развития.

Структура лигаристического союза, в какой бы фрактальной модели исторического фрагмента времени мы его не рассматривали, формируется из психологии людей двух

типов: первого, кочевника, существа, не имеющего разума, но хорошо усваивающего технологические достижения цивилизации; и второго, народа, который оказался разгромленным нашествием кочевников и потерявшим вследствие этого основы своей государственности. Именно подобную историческую картину мы наблюдаем на территории бывшей Российской империи до возникновения сталинской системы государственности, которая характеризует момент перелома от тотального нашествия варваров, – в сторону строительства самостоятельной модели государственности, когда предпринимается попытка сломить психологию кочевника. Заметим, что дело здесь не в коммунистической идеологии, которая была активна только в массовой, то есть неразумной человеческой душе, а в том, что метафизика расообразования *homo sapiens* показывает, как воздействие расового бессознательного начинает реконструировать племенные инстинкты варваров, подчиняя их разумному ходу мировой истории. Так было в момент смешения ахейцев с дорийскими ордами, и так, вероятно, было в момент смешения др.германцев с ордами гуннов, когда можно найти первые зачатки возникновения рыцарских орденов. Другими словами, племенная энергия кочевников всегда несет в своем животном вожделии жизни определенный заряд разрушения всех внешних влияний, ставя перед человеком вопрос о суровой необходимости: либо быть разумным существом, либо исчезнуть в среде народов, обладающих разумом. Подобное происходило в расовой ката-

строфе, когда разрушение ахейского государства лишило его возможности существовать под постоянным влиянием египтян и, аналогично, для древних франков нашествие гуннов привело к дальнейшей невозможности постоянного подражания модели существования римской цивилизации.

То, что характеризует момент перелома от эпохи Темных Веков – к простейшим рациональным связям Средневековья, – это возвращение активности народов, которые на время теряют основу идентичной государственности в момент нашествия варваров. Ведь кочевники на инстинктивном уровне не могут образовывать какую-то государственную модель, поскольку их разум бесконечно пассивен в душе, а сознанием полностью владеют животные влечения. Именно подобная ситуация существует в современной России, где вместе с разрушением зачаточных структур лигаристических союзов, действовавших в СССР, максимально активизировались кочевые инстинкты. Отсюда – коррупция на уровне самых примитивных в государственном устройстве стран, поскольку психология кочевника исключает существование государственной психологии, для активности которой необходимо разум. Животные влечения, которые всегда были определяющими для советской власти, за исключением сталинского режима, не могли быть основой функционирования государственно-социального аппарата в каком-то цивилизованном смысле. Поэтому, начиная с 17-го года, Россия превратилась в огромный кочевой стан, где в душах людей отсутствует какая-то взаимосвязь с базо-

выми началами быта и где пустые абстракции поверхностного рассудка не имеют никакого отношения к подлинному началу разумной действительности.

Борьба за разумное право, определяющая будущую судьбу российской государственности, ведется в наше историческое время на самом зачаточном уровне, то есть на уровне попытки перелома от существования единого кочевого стана – к самостоятельной модели мировой цивилизации. Принципиальным здесь является то, что какие-то промежуточные решения этой проблемы здесь невозможны, то есть невозможно вернуться назад, в прошлое, когда историческое время неумолимо требует реконструкции высшей психики, поскольку самое динамическое в подсознании человеческой психики – это ее высшие процессы, обусловленные расовой субъективной памятью. С другой стороны, если проанализировать фрактальные связи возникновения дорийских союзов в Др. Греции или рыцарских орденов – в Западной Европе, то мы находим в них момент оттеснения кочевников именно в системе лигаристических союзов, где, собственно, и происходит переплавка инстинктов варваров в новую историческую волю мировой истории. Причем сами кочевники, в силу возникновения активности в их подсознании расовой памяти, начинают создавать лигаристические союзы, позволяющие переломить психологию кочевника, чтобы «очистить» действие воли от животных влечений души. К этому стремилась, в частности, и татаро-монгольская орда, захватившая многие государ-

ства Азии, пытаясь реконструировать психологию кочевника до элементарных основ патриархальной психологии. Ведь патриархальная психология – это тот минимум рациональной активности психики, без которого не существует основа государства, а вне государства – не существует реальности рациональных коммуникаций, которые моделируют стратегию проекта развития мировой цивилизации не в поверхностных представлениях о реальности, а из метафизического действия воли.

Известны пронизательные стихи поэта Мандельштама:

*«Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей...»,*

в которых указаны две точные оценки своей исторической эпохи. Во-первых, это морально историческая оценка, а именно переломного психологического начала рациональной морали XX века, в которой происходит трансформации мифологии веры в разум – к непосредственному действию разума в метафизике воли как ликантропии сознания. Во-вторых, оценка психологическая, в которой утверждается, что ликантропия сознания – это и есть различное действие расового инстинкта человека, который регулируется в подсознании на уровне «крови». Учитывая, что историческое время Мандельштама – это время жесткого конструирования зачаточных связей лигаристических союзов в мировой цивилизации: сталинского и фашистского, в этих

словах выражается исторический механизм действия расового бессознательного в глубинах человеческой психики в процессе расовой катастрофы. Он состоит в том, что наиболее крупные «хищники» пожирают более мелких в силу непосредственного действия метафизического импульса воли, который тем жестче, чем отчетливее действие разума в человеческой душе. То, что люди-«волки» – это особый тип психологии, который не присущ субъективному психологическому состоянию самого поэта, характеризует внутренний механизм формирования системы лигаристического союза, в котором рациональная мораль не «выдумывается» поверхностной фантазией социального рассудка, а выкристаллизовывается как подсознательное пространство безжалостной борьбы воли «хищников» в конструировании простейших рациональных взаимосвязей новой модели мировой цивилизации. То, что в этой безжалостной схватке хищников друг с другом достается и «овцам», от имени которых выступает субъективное чувство поэта, лишь характеризует особенность варварской реальности нравов людей в Темные Века, где существует хаос морального отношения к объективно разумным началам жизни. Ведь, например, максимальные позиции разума в эпоху Шекспира демонстрируют такие нравы людей, где даже самые отъявленные негодяи говорят у поэта языком высших ценностей, то есть поддерживают разумное начало жизни, полностью подчиняясь его законам. Именно в сравнении этих диаметрально-противоположных исторических эпох:

эпохи варварства Темных Веков и эпохи непосредственного воздействия высших ценностей на сознание человека, – вскрывается сущность топологии исторического разума. Так, время полностью реализует идеи метафизического действия воли на основании памяти о чести и нравственном долге – у Шекспира, или, наоборот, схватки за власть и «добычу» на основании самых низменных инстинктов человеческой природы, когда разумное начало жизни существует почти в полном забвении, – в России после 17-го года.

Возвращаясь к вопросу об инстинкте «крови», следует заметить, что фашистская идеология пыталась энергично эксплуатировать биологическое понимание неравенства рас именно на основании представлений о «чистоте» расовой крови. Характерно, что и в период сталинского режима велись научные эксперименты по распространению «пролетарской» крови. Понятно, что подобные «эксперименты» и варварские представления о неравенстве людей всегда доминируют в Темные Века, в которых разум пребывает почти в полном забвении. Ведь зачаточные структуры лигариристических союзов, возникающие в Темные Века, всегда стремятся найти определенную иерархию, которая отображает иерархию способностей познания: чувства, рассудка и разума. Принципиальным различием между Темными Веками и Средневековьем является именно установление подлинной иерархии по отношению к разумному началу жизни, а не оперирование рассудочными фантазиями.

Главное, что характеризует структуру формирования лигариристических союзов в Темные Века мировой истории, – это

то, что в лигаристических союзах начинается возвращение расовой памяти народов, подвергнувшихся нашествию кочевых орд: рассматриваем ли мы возвращение активности воли древних ахейцев, которые «приходят в себя» после ударов дорийских орд, или древних франков – после нашествия гуннов или в наше время – русских, после нашествия большевистской орды. При этом к моменту «вечного возвращения» высших ценностей в пространство, где доминируют кочевники, какие-то границы между оседлыми и кочевыми народами стираются, поскольку первые – варваризируются в образе жизни новых кочевых станов, а вторые, наоборот, приобретают минимальные навыки оседлой психологии. В результате, эта полудикая масса людей становится тем человеческим «бульоном» для новой модели мировой цивилизации, в котором действие расового бессознательного ведет свою работу по конструированию новой рациональной психологии, деформируя глубинные слои расовой памяти.

Основой активности психологии сознания настоящего момента времени, который топологически стягивает в себя прошлое и будущее время в качестве истории материи, а не истории духа, человек, как продукт трансформации материи во множестве ее изменений, не напрягает ресурсов своей высшей психики, то есть разумного начала души. Однако неизбежность возвращения к активности высшей психики заложена самой особенностью энергии расово-

го бессознательного, – переходить в активность воли, поскольку, в противном случае, деградация человека начинает переходить все возможные мыслимые границы. В наше историческое время подлинный разум вступает в конфликт не с религиозными представлениями, а с архаичным пониманием существа исторического разума. Наука является всего лишь инструментом познания разума, а не его непосредственным существом. И если, например, понимание времени в современной науке строится на попытке его измерения экспериментальным путем, то для современной метафизики философской мысли должно быть очевидным, что невозможно измерять через низшие познавательные способности объекты реальности, в которых существует нечто метафизическое. Так, содержание известной метафизической мысли начинает сворачиваться тогда, когда доходит до меры, отрицающей ее в качестве полного исчерпания топологической границы между бытием и небытием. Например, схоластическая западноевропейская философия исходила из попытки понимания существа единого бога, когда вера во множество богов исчерпалась как постигнутая граница известной чувственной реальности. И действительно, для монотеистического сознания боги стали обычной материальной силой, с которой человек стал обращаться как с чем-то неодушевленным. Аналогичным образом, и идея сотворения человека, которая почти два тысячелетия была чем-то сакральным, в наше историческое время, стала одним из объектов исследования эксперимен-

тальной науки, когда клонирование человека окончательно разрушило архаичную основу западноевропейской метафизики, оставив лишь место научному эксперименту.

Размышляя над метафизической природой времени, мы постепенно приходим к мысли, что метафизического в происхождении времени ровно столько, сколько метафизического существует в импульсе воли, поскольку возникновение импульса воли из разрушительных пластов психики определяется течением духовного начала души как сознания непосредственной реальности. Понятно, что в этом течении существуют конструкции, которые невозможно описать научным языком, поскольку база современной научной мысли возникла в старой метафизической школе мысли. Так, прежде должно пройти время средневековой реальности утверждения рациональных коммуникаций, в которых разумное начало жизни будет не абстракцией представлений, а инстинктивным существом души, бессознательным действием патриархальной нормы жизни, и только после этого должны возникнуть новые горизонты высших ценностей мировой цивилизации. Поэтому единственной возможностью описания метафизики онтологического потока времени является эстетическая реконструкция динамики импульса воли как меры бытия. В этом смысле, как психоаналитическая теория Фрейда исходила из исследования динамики подсознательных влечений, так и мы исходим из конструктивно-эстетического принципа отображения импульса воли в онтологическом потоке времени. Исходным

для подобного отображения является точка касания подсознательного инстинкта смерти и энергетического поля высшей психики, которая производит воздействие активности расовой субъективной памяти на объективное восприятие присутствия себя в мировой истории. И если у Фрейда таким прообразом присутствия в мировой истории было объективное сознание действия Эдипова комплекса, то у нас этот прообраз – воля выдающейся человеческой личности, жестко проводящей границу между высшими и низшими ценностями. В том и состоит кардинальное различие: между полным отсутствием психологии неравенства – в действии подсознательных влечений и, наоборот, метафизической мерой бытия как самой идеи неравенства – в воле, что в воле возвращение к активному воздействию расовой памяти, как воспоминания о высших ценностях, является начальным условием субъективного действия разума. Принципиально здесь то, что в непосредственном влечении – субъективного разума не существует.

Если мы будем пытаться искать начала субъективного разума в современной российской реальности, то не найдем его нигде. С точки зрения субъективного исторического разума, мы обнаруживаем в истории России несколько устойчивых конфигураций реальности. Во-первых, это кардинальная смена системы государственного устройства до 17-го года, которая строилась на каких-то элементарных началах оседлой психологии и которые были разрушены после нашествия большевистской орды. Во-вторых, возник-

новение зачаточных структур лигариристических союзов, где началось формирование самостоятельной модели цивилизации при советской власти, в первую очередь, при сталинском режиме как неудавшейся попытке – сломить кочевую психологию большевистской орды. И, наконец, в-третьих, жизнь огромных человеческих масс людей как в кочевом «таборе», которым является современная Россия, где все предписания и законы существуют только в поверхностных конструкциях интеллекта, тогда как реальная жизнь этого «табора» полностью протекает в животных инстинктах и животных влечениях. В результате, с субъективной позиции исторического разума, мы имеем образ жизни человека в Темные Века, в котором отсутствие рациональных коммуникаций восполняется огромным валом BLITEUM непосредственных чувственных ассоциаций массовых коммуникаций и массовых ценностей, где всем управляют финансовые потоки. Однако следует различать эффективность массовых коммуникаций под контролем финансовых потоков в цивилизации, которая сворачивает свою топологическую модель разума, если рассматривать происходящие события в западноевропейском мире, от окраин этой цивилизации, то есть в России. На отдаленных окраинах доминирующей модели мировой цивилизации подражание социально-государственной западноевропейской системе влечет за собой топологию свертывания всех патриархальных норм жизни. Этот исторический обзор основных конфигураций элементов модели цивилизации в современной

России приводит к мысли, что в ней исторически неизбежно возникновение лигаристических союзов, но уже не на основе низших ценностей коммунизма, а на основе высших ценностей, то есть системы рациональных коммуникаций, где должен произойти перелом к самостоятельной модели цивилизации.

Расовая катастрофа, с точки зрения исторического разума, есть максимальное топологическое сжатие настоящего момента времени до чувственной непосредственности ассоциаций. Собственно, в этой абсолютной сжатости настоящего момента времени до единственности существования материальной реальности и проявляется момент окончания одной метафизической школы мысли и начало становления новой. И если в начале христианской цивилизации таким проявлением расовой катастрофы было восприятие материальных стихий как движения неодушевленной материи («смерть Диониса» в античном мире), то в наше историческое время аналогичные процессы проявляется в связи с исчезновением сакрального содержания идеи творения. Ведь если человек может клонировать другого человека, но сам клонирующий – не бог, то одна из центральных истин религиозной мифологии о сотворении человека перестает обладать сакральным содержанием. Здесь речь не идет о религиозной вере в бога, как, впрочем, не шла речь о вере в богов в момент расовой катастрофы в языческом мире, где распространялось христианство. Вера еще живет очень долгое время, причем она не может исчезнуть окончательно.

но, опираясь на воспоминания расовой памяти. С точки зрения исторического разума, речь идет о возможностях метафизического мышления, в которых существуют высшие способности познания, то есть исторические особенности действия разума в ту или иную историческую эпоху.

Таким образом, жизнь как ценность настоящего момента времени, где прошлое и будущее воспринимаются исключительно как бесконечно топологически «растягивающийся» настоящий момент, характеризуется отсутствием какого-то рационального содержания. Фактически, это нигилизм низших ценностей, доведенный до полного отрицания какого-то разумного содержания жизни, но при этом утверждающий, что именно момент отрицания прошлого и будущего как взаимосвязи с духовным наследием предков и является «разумом». Так, вероятно, варвары Темных Веков Западной Европы, не знакомые с метафизическим опытом исторического разума, стремились в качестве «просвещенности» подражать византийским нравам, моде, политике, не замечая, что византийская цивилизация уже не имеет какой-то рациональной модели государственности, а является лишь процессом инерционного распада бывшего величия Римской империи. То принципиальное, что отличало византийский принцип жизни от др. римского образа жизни состояло в консервации процесса расовой катастрофы, то есть «замораживания» исторической реальности, в которой разумный человек более не обладает ни отчетливыми коммуникациями для совместных целей, ни, собственно,

какой-то отчетливой исторической идеей существования. Аналогичным образом, и современная американская цивилизация является этим историческим «буфером» между былым величием высших ценностей Западной Европы и полным отсутствием ее разумной исторической цели существования в настоящее время. Здесь главное различие выражается в том, что если события мировой истории проходили через судьбу Западной Европы как эпицентра мира, то в современной Америке сконцентрировалась в наше время не мировая история, а прямо противоположное – возможность обрушения мировой цивилизации в реальность Темных Веков.

Кардинальное отличие метафизического импульса воли от потока животных влечений человека состоит в том, что в потоке влечений человек является не субъектом, а объектом воздействия природных явлений и социальных процессов, то есть существом, которое не обладает разумом. Однако и рассудком, и чувственным восприятием он обладает, то есть непосредственных психических реакций, обусловленных чувственными ассоциациями, оказывается вполне достаточно для массовой психологии в процессе ее функционирования. Более того, массовой психологии оказывается достаточно для развития экспериментальной науки, но не науки фундаментальной, поскольку фундаментальная наука всегда определенным образом взаимосвязана с судьбой

исторического разума, то есть с определенной метафизической картиной мира.

Мы утверждаем, что взаимосвязь с разумным началом бытия осуществляет то, что тотально исключает животное начало человеческой души, а именно инстинкт смерти. Эта взаимосвязь бытия и небытия является фрактальной, то есть воспроизводит переход между небытием – инстинктом смерти и бытием – разумным миром, который отображается в онтологическом потоке времени. Если же в силу психической деградации человека происходит забвение разума, то пропорционально растет иррационализм внутренних процессов цивилизации, причем «разумным» по инерции обыденных представлений рассудка называется то, что в действительности уже является «иррациональным». Система обыденных представлений рассудка постепенно становится мифологией жизни, в которой разум исключается как непосредственная реальность метафизического импульса воли, ибо животные влечения не предполагают, что существует небытие, то есть высшее метафизическое противоречие жизни. В силу отсутствия высших противоречий жизни, исчезает и логика рационального мышления, поскольку рациональное мышление отображает фрактальную необходимость бытия как бесконечно малую границу между прошлым и будущим. Эта граница выявляет конструктивно субъективный принцип метафизической сущности разума – топологи-

чески «сгущать» прошлое в настоящее в усилении метафизического импульса воли. В традиционной системе ценностей подобное топологическое свойство разума тождественно понятию «судьба», когда полагается, что настоящее время исчезает, а действует только прошлое в максимальной концентрации действия метафизического импульса воли.

Когда Ницше утверждал, что задачей понимания мировой истории является то, что способствует самой идеи полноценной жизни, то полагал тем самым конструктивный субъективный принцип разума в качестве постоянного возвращения человеческой жизни к ее высшему противоречию между бытием и небытием. И действительно, логика разума такова, что может существовать только в качестве противоречивости мышления, поскольку рациональное мышление всегда есть синтез: чувственной достоверности реальности и абстрактной схемы, когда обе две низшие познавательные способности существуют в топологическом подобии простейших элементов фракталов в непосредственном усилении метафизики воли. Ведь, в отличие от расудочной схемы, которая абстрагируется от чувственной непосредственности реальности, образуя представления о ней, рациональное мышление абстрагируется от непредставляемого, то есть от чистого начала бытия. В аспекте нового начала метафизики бытия речь идет об онтологическом потоке времени, чье существование характеризуется не чувственным измерением двух длительностей какими-то экспериментальными приборами, а мерой взаимосвязи

двух метафизических фракталов бытия, то есть проникновением отображения исторического прошлого в настоящее. Заметим, что именно прошлое фрактально отображается в настоящем, «сминая» его в метафизическом импульсе воли, а не наоборот, настоящее пытается «изнасиловать» прошлое в рассудочном представлении, как это, например, имеет место в современных космологических теориях физики. Взаимосвязь настоящего момента времени с историческим временем может иметь разумное содержание только при одном условии: если оно есть часть небытия, то есть взаимосвязана с инстинктом смерти. В противном случае, активны только поверхностные представления об истории, где различные методы жонглирования историческими фактами и датами лишь демонстрируют уровень накопленной информации рассудка, но не реального присутствия субъективного разума в самом историческом процессе. В подлинном присутствии сознания исторического события всегда существует вся полнота небытия, которая была преодолена в метафизическом пути расы *homo sapiens*.

Проблема отсутствия активности разума в современной массовой цивилизации состоит в том, что разум не может существовать только в физическом понимании реальности материального мира. Физические свойства материи определяются в двух низших познавательных способностях познания: чувстве и рассудке, когда схема рассудочного представления, абстрагируясь от непосредственного чувственного восприятия, конструирует понимание в опериро-

вании разного рода логическими схемами. Подобного рода представление о разуме, возникшее в английской эмпирической философии, безусловно, в наше историческое время является предрассудком, поскольку не отвечает его главному критерию: пониманию различия между животным и человеком. «Аргументы» типа, что «ученые доказали», стали в наше историческое время своего рода заклинанием массового сознания, аналогом которого в момент перехода от язычества к христианству являлось утверждение, что «бог един и неделим». Такого рода «доводы» о существовании «разума», опирающиеся исключительно на попытки обоснования его в науке, привели к тому, что метафизическая сущность разумного понимания действительности практически исчезла, поскольку разум не может быть чем-то чисто «человеческим», что существуют только в двух низших познавательных способностях познания: чувственном восприятии и рассудке. Собственно, кардинальное различие между рассудком и разумом именно и состоит в том, что рассудок всегда определенным образом взаимосвязан с чувственным восприятием, черпая из него различные представления о реальности, тогда как разум проистекает из противоположности бытия и небытия. Таким образом, чтобы установить, что такое бытие, необходимо первоначально понять природу небытия. Мы, в данном вопросе, опираемся на две онтологические составляющие познания: в человеческом существе небытием является инстинкт смерти, а в родовой сущности человека – отсутствие взаимосвязи его

сознания с расовой памятью. В нашем понимании, разум существует только тогда, когда субъективная память «вспоминает» дух высших ценностей исторического прошлого, то есть «вершины» духовного пути мировой истории расы homo sapiens. Понятно, что этот дух является рациональным, в отличие от всего многообразия духовного опыта. Но научные знания не являются в духовном самосознании ни высшим и ни низшим историческим опытом, а лишь констатируют присутствие или отсутствие той или иной степени интеллектуальной активности мышления. Здесь мы развиваем мысль Шпенглера о том, что научное знание стремится замедлить, или «законсервировать», момент исчезновения высших ценностей как эстетической реальности. Ведь низшие ценности, в отличие от высших, не требуют какого-то усилия воли, естественно проистекая из человеческих влечений как непосредственные реакции на материальную реальность. Только воля, возникая из преодоления небытия, показывает откровение духа ровно в той мере, в какой в ней существует разумное понимание действительности. В противном случае, духовная реальность является полностью беззащитной перед иррациональными процессами агрессивных влечений, которые вытесняют ее везде, где только возможно.

Основная причина, по которой понятие «разума» исчезло из повседневной жизни, заключается в том, что разум, собственно, исчез из непосредственной жизни человека. Ведь, чтобы разумное начало жизни присутствовало в процессах

цивилизации, должна быть видна какая-то разумная стратегия ее существования. Однако именно разумной стратегии существования жизни мы и не находим в современной массовой цивилизации, поскольку в ее социальных связях отсутствует какая-то разумная воля. Так, в тактике современных процессов цивилизации мы обнаруживаем лишь кратковременные решения задач: развития науки, решение экологических и демографических проблем, то есть всего того, что связано с проблемой «выживания» человечества. Однако вопрос о «выживании» человечества – это не вопрос разума, а вопрос двух низших познавательных способностей познания: рассудка и чувственного восприятия, а потому мировая цивилизация и не имеет своей стратегии, что не обладает какой-то разумной целью. И если еще в XX веке мало кто сомневался в совпадении развития научно-технического прогресса и разумного начала человеческой жизни, то XXI век «опрокинул» этот постулат, который несколько веков был незыблемым для основного критерия разума. Понятно, что речь в данном случае идет не о том, что наука оказалась «неразумным» предметом мышления, а в том, что в современных исторических процессах наука уже более не может быть критерием разума. Объяснение этого феномена следует искать в концепции Шпенглера, где показано, что активное развитие науки совпадает с моментом «иссякания» присутствия высших ценностей в непосредственной человеческой жизни. Высшие ценности почти всегда, в основном, появляются в эпоху господства

аристократии, когда происходит перелом: от средневекового насилия над животным началом человеческой души – к свободному течению разумной воли как отображения метафизической сущности онтологического потока времени. В этом смысле, величие духа, то есть наивысшая полнота бытия как разумного целого, начинает иссякать в момент исчезновения доминирования класса аристократии. Когда же нас пытались убедить при советской власти, используя мифологические представления об истории, что аристократия является одним из наименее «производительных» классов, то с точки зрения объективного исторического разума, мы утверждаем, что в действительности существует все наоборот. Именно класс аристократии является самым «производительным» с точки зрения появления в непосредственной жизни человека присутствия высших ценностей, то есть фактически, присутствия разума. Это «производство» разумным духом мировой истории полноценной человеческой природы еще на долгое время остается прообразом жизни последующих поколений людей, когда начинается восстание масс, процесс фальсификация разума и утверждения системы низших ценностей.

То, что в России не было полноценной аристократии, то есть аристократии, которая бы «произвела» систему высших ценностей, являющейся базовой для развития мировой цивилизации, в конечном счете, определило нашествие большевистской орды на Российскую империю. Так, отсутствие подлинной аристократии в судьбе народа предпо-

лагает, что ценности, то есть взаимосвязи между энергией влечений и импульсами воли, не обладают какой-то самостоятельной рациональной основой существования. Ведь только расовые ценности аристократии, в которых «производится» идея разумного блага и, следовательно, присутствует иерархия жизни по отношению к разумному и неразумному проявлению человеческой жизни, способны удерживать модель цивилизации от периодического возврата к племенным началам души.

Феномен возникновения лигаристических союзов, то есть военизированного образа жизни человека, где все подчинено суровой необходимости ритма воли и где происходит процесс перелома: от неразумной психологии кочевника – к началам функционирования разума в душе, является метафизическим законом расообразования *homo sapiens*. Закон этот не «человеческий», но мы не можем полагать его и «божественным», поскольку онтологический поток времени, или мировая воля мировой истории, безразлична по отношению к человеку как к живому существу. Главное в понимании метафизики глобального процесса расообразования – осознавать, что попытка «научного» понимания процессов мировой истории невозможна в Темные Века, поскольку в них разумное начало психики уходит в глубины высших психических процессов. И причины здесь не в том, что научное знание «ложно», а в том, что в эпоху Тем-

ных Веков научное знание инстинктивно встало на службу не разума, а бессознательного инстинкта самосохранения человека, то есть животного начала души. В результате, две низших познавательных способности: чувство и рассудок жестко систематизировали современную массовую цивилизацию до полностью бессмысленного – по отношению к разуму – образа жизни человека.

С точки зрения объективного исторического разума, современная российская социальная реальность является кочевым «табором», который возник здесь после 17-го года и который только активизировался после 91-го года, когда зачаточные структуры лигаристических союзов, возникшие при советской власти, исчезли. Вероятно, подобного рода кочевые таборы всегда существуют в Темные Века, когда разумные коммуникации на подобных территориях практически равны нулю. Причины, по которым рациональные коммуникации здесь равны нулю, следует искать в разрушении традиционных основ быта, демонтированные кочевниками в результате нашествия, когда даже архаичный разум российской реальности был разрушен. Поэтому единственный полноценный опыт, который остался в российской истории – это опыт строительства лигаристических союзов, то есть, фактически, Советского Союза. То, что в наше историческое время в России существует мифологическое экономическое пространство низших ценностей, по существу, мало чем отличающееся от аналогичного мифологического пространства низших ценностей коммунизма, не относится

к разумным началам мировой истории. Низшие ценности не создают рациональных коммуникаций, а наоборот, окончательно их разрушают, поскольку в них сознание целиком и полностью «плавает» в поле животных влечений психики, которыми оперирует поверхностный интеллект. То, что в этом поверхностном интеллекте знание материальной реальности создает все многообразие представлений о мире, в действительности не относится к разумному пониманию мира, поскольку мир – это не анализ непосредственных чувственных ассоциаций, абстрагирование от которого создает представление. Мир – это то, что топологически сминает настоящее как границу исторического прошлого и будущего в метафизическом фрактале бытия, отображающем время как высшую нравственную меру человеческой жизни. Понятно, что если существует только настоящее время, то содержание времени является полностью индифферентным по отношению к иерархии ценностей объектом. Ведь в этом случае, время является только мерой материальных процессов, полностью завися от их динамики и закономерностей.

Проблема русской национальной трагедии состоит в том, что в социальной системе, которая сложилась в системе нравов кочевников, места русскому национальному архетипу не существует. В ней есть место только архетипу национальных анклавов, чья иррациональная активность («вера») и создавала основы советской власти после нашествия большевистской орды. Возникновение лигаристических союзов, начавшееся с периода сталинского режима, было не

осознанным движением разумной воли, а следствием подсознательных процессов, протекающих в неразумной душе, которая в своих высших ресурсах зависит от активности расового бессознательного. Именно расовое бессознательное, то есть поле ценностей, которое существует и за пределами «человеческого», и за пределами «божественного», и было той высшей силой, которая заставила разрозненные банды, действовавшие на территории бывшей Российской империи постепенно сложиться в систему лигаристических союзов. Расовое бессознательное многих поколений, живших до нашествия большевистской орды, стало воздействовать на высшие ресурсы психики варваров, постепенно подчиняя их зачаточной структуре государственности. Таким образом, сама политическая система Советского Союза, если исключить неразумную идеологию коммунизма, безусловно, возникла как зачаточная модель нового прообраза мировой цивилизации, поскольку процесс перелома от Темных Веков – к Средневековью происходит в становлении и утверждении самобытности структуры лигаристических союзов. Особенности своего исторического времени, то есть характерная психологии народов, уровень развития технологий, демографическая ситуация и особенности климатические – все это становится спецификой их становления. Однако фрактальная основа последовательности исторических событий одна и та же.

Особенностью фрактальной концепции мировой истории *homo sapiens*, в нашем понимании, является процесс

периодического: то возвращения, то бесконечного удаления исторического присутствия разума в субъективном самосознании, когда расовое и массовое начало психики в качестве конфликта между волей и влечением образуют определенную топологию психических импульсов подсознания. Главным в этом фрактальном течении ритма времени мы полагаем особенность психологического состояния субъекта, когда этот ритм проистекает не из потока чувственных ассоциаций, на котором собственно и строится процесс измерения механического времени, а из ритма активности высшей психики, взаимосвязанного с подсознательным инстинктом смерти. Таким образом, историческое время характеризуется не длительностью времени, измеряемого математическим эквивалентом, а мерой интенсивности активности высшей психики человека. В противном случае, хотя с математической точки зрения, время эпохи Темных Веков приблизительно равно времени, проистекшему в эпоху Возрождения, между ними существует бесконечная пропасть с позиции меры реализации разумного начала жизни. Можно сказать, что историческое время определяется не рассудочными схемами или чувственно ассоциативными образами, а мерой интенсивности проникновения в топологию времени, то есть в ее фрактально рациональную модель эстетического целого. Рациональная модель онтологии времени – это эстетическая реальность бытия, в которой настоящее время является бесконечно малой границей между прошлым и будущим. Заметим, что

здесь нет акцента на времени как традиции исторического прошлого, что характеризует нравственные prerogatives религиозного мирозерцания, а также нет акцента на настоящем времени, что определяет чисто научные ценности. Другими словами, здесь время и не чувственная достоверность реальности, и не рассудочный продукт абстрактных рассуждений, а именно рациональная действительность. В результате, понимание времени в мировой истории в рациональном мышлении является существованием бесконечно малой границы: между прошлым и будущим, то есть выражается рациональными гранями бытия, достигаемыми в топологии метафизического пространства воли. Понятно, что этот особый тип времени, онтологический, мало относится к научному или религиозному восприятию времени, а потому может быть предметом, в основном, только философского знания. Причем, если полноценное философское знание исчезает, то исчезает и полноценное понимание времени, поскольку две низшие познавательные способности: чувство и рассудок не обладают средствами познания высших психических процессов. На этот момент обратил внимание уже Платон, утверждавший, что идеи вещей – суть онтологические грани времени, которые сознание «извлекает» из расовой памяти в эстетическом созерцании фрактальной основы действительности. Ницше лишь добавил, что эти рациональные грани возвращаются «любой», как правило, высшей ценой, ибо их достижение и присутствие в реальности – это вся полнота суровой непреклонности

действия воли как условия активности подсознательной расовой памяти. В противном случае, то есть в случае отсутствия активности воли, животные влечения «отключают» ресурсы высшей психики подсознания, оставляя место только восприятию настоящего времени. «Вытесняются» ли подсознательные влечения или не «вытесняются» – это не принципиально для оценки активности воли, поскольку процессы динамики влечений протекают в низшей психике человека, которая конструируют социальную, то есть неразумную реальность.

Современное массовое сознание человека буквально «забито» BLITEUM низших ценностей, которые структурированы массовым обществом как различные ничтожные цели, в которых разнообразие влечений создает разнообразие бессмысленного по отношению к разуму образа жизни человека. При этом «иерархию» этого бессмысленного образа жизни человека создают финансовые потоки, которые взаимосвязывают это неразумное целое в энергичную активность, где многочисленные quasi homo лавируют в этих потоках как бессловесные по отношению к разуму рыбы, направляя «муть» иррационального существа человеческой души на низшие познавательные способности. Здесь настоящее время топологически раздуто «пузырем» до гипертрофированных масштабов материальной Вселенной, разум в которой отсутствует. Вероятно, подобная картина всегда возникает в процессе расовой катастрофы, когда разумный человек исчезает из всех

основополагающих областей цивилизации: из политики, из науки, и из искусства. Инерция инстинкта самосохранения животного начала человеческой души, которая всегда стремится сохранять достигнутое знание, опасаясь понимания нового, в полной мере реализует матриархальные инстинкты подсознания. Наибольший удар подобного рода низшее инстинктивное начало человеческой души наносит по традиции, поскольку из нее постепенно вымывается патриархальная психология, в которой активен разум, вследствие чего традиция становится не оплотом активной позиции полноценной человеческой души, а лишь поверхностным фасадом расовой памяти. И действительно, образы архаичной расовой памяти в полной мере существуют в сознании, но оказываются уже недействительными в кардинально изменившейся картине онтологического потока времени. Это касается и всех монотеистических религий и, собственно, представлений о том, что разум отображается в истории научно-технического прогресса.

В нашем понимании, существование расовой реальности *homo sapiens* – это ритм времени, проистекающий из высших слоев подсознательной психики. Другими словами, время – это не то, что люди договорились «понимать» под «временем» в качестве своих представлений, в том числе научных, а действие импульса воли в постоянном процессе воспоминания идеи жизни как метафизической грани-

цы между разумным и животным началом человеческого существа. И если почти два тысячелетия метафизикой этой границы было априорное понимание о чем-то «божественном», то современная метафизическая мысль опирается на онтологическое поле времени, которое априорно взаимосвязано с высшими психическими импульсами души. Однако речь идет о такой «априорности» высших процессов человеческой психики, на которые во все исторические времена и во всех мировых культурах и религиях было наложено одно из наиболее суровых табу – на подсознательный инстинкт смерти. В этом смысле, современная расовая катастрофа мировой цивилизации по активности перелома самой идеи разумной жизни равносильна всему многотысячелетнему развитию мировой истории до ее гипотетического начала у шумеров. Можно сказать, что современный объективный исторический разум обладает возможностью «блуждать» по всем воспоминаниям исторического прошлого, нигде не получая расовой «пристани», поскольку расовая память постоянно гонит его вперед в напряжении метафизического импульса воли. В отличие от каких-то опорных точек исторического отсчета, которые ранее существовали в отдельных моделях мировой цивилизации в судьбах различных мировых народов, обусловленных их верованиями и традициями, в онтологическом потоке времени эта точка отсутствует. С другой стороны, мы видим, что впервые в мировой истории судьбы народов оказались так глубоко взаимосвязаны, правда, в новой модели многооб-

разия BLITEUM массовых социальных коммуникаций эта взаимосвязь существует на уровне Темных Веков низших ценностей мировой системы глобализма.